

Маги начинают и выигрывают

МАРИНА КОМАРОВА

ОСКОЛКИ МОРЯ
И БОГОВ

Annotation

Южный город видит сны о крови и древних курганах, а маньяк с крюком и сетью выходит из моря, чтобы охотиться на людей. Яна Колесник, Слышащая Землю, должна остановить его. Однако она даже не подозревает, что ею давно заинтересовался могущественный бог Азова, резко меняющий правила игры. Теперь, чтобы выжить и прекратить убийства, Яна должна покориться морю, которое ненавидит с детства. Только поможет ли это избежать участи марионетки в руках тех, о ком уже тысячи лет слагают легенды?

Марина Комарова
Осколки моря и богов
Роман

© Комарова М., 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Часть первая
Чужая могила

Глава 1

Гость

Кровь и соль. От запаха дурно. Ледяное лезвие ножа прижато к шее. Острый кончик впился в кожу, но боли нет. Ее заглушил страх. Мерзкий, холодный, липкий.

— Назад пути не будет...

Шепот, от которого вдоль позвоночника пробежали мурашки. Сердце бешено заколотилось.

Короткий смешок, горячее дыхание. На душе противно, но не пошевелиться.

— Не бойся.

Голос хриплый, чуть шелестит — словно мелкие волны накатывают на берег. Тело онемело. Страх затопил полностью. Сейчас, сейчас, последнее мгновение и...

Вспышка боли. Хриплый выдох:

— Нет...

Я резко распахнула глаза и сделала глубокий вдох. Солнце медленно катилось по небосклону, окрашивая воды Днепра золотом и акварельно-красным. Двое ребятишек лет пяти с радостными криками пробежали мимо.

— Дети! Дети! Не убегайте так далеко! — послышался звонкий оклик молодой матери.

Ветер едва заметно шевелил волосы, ласкал лицо вечерней прохладой.

Я с трудом разжала пальцы и уставилась на спрятанный в ладони серебряный кулон в виде ромба. Снятый уже после смерти его владелицы.

— Ну как? — спросил Олег, вытащив из кармана пиджака пачку сигарет. — Все то же самое?

Я рассеянно кивнула, провела указательным пальцем по кулону, замыкая энергетический контур. Читать чужие эмоции — здорово, но если они возникли за несколько минут до смерти, то приятного мало.

Олег вздохнул и взъерошил короткие светлые пряди. Вид получился изрядно странный: идеально выглаженный костюм, белая накрахмаленная сорочка, галстук — и ни намек на подходящую образу прическу.

Хотя, чего скрывать, всегда оставалось загадкой, каким образом Олег Грабар, юрист и по совместительству мой секретарь, сохранял представительный вид на протяжении всего рабочего дня. Исключая моменты, когда он находился рядом со мной.

— Он перебрался в город. Мне это не нравится, — произнес Олег, уставившись на кончик тлеющей сигареты.

В горле запершило. Что за дрянь он курит? Что-то оригинальное, со странным ароматом.

— Много соли, рыболовная сеть и нож, — вздохнула я, прикрыв глаза и пытаюсь прогнать наваждение. — Парень работает хаотично. Убивает людей разного возраста, пола и достатка.

— Яна, это да, — хмыкнул Олег. — Но тогда Городовой не стал бы приходить ко мне и отдавать распоряжение разобраться с этим делом.

Я поморщилась. Городовой. Вот с кем с кем, а с ним уж совсем нет никакого желания работать. Но хозяин города. Хочешь или не хочешь, а надо. Лучше по собственному желанию

спрыгнуть с крыши, чем разозлить Городового. Спрятав кулон в карман джинсовой юбки, я поднялась со скамейки.

— Платить он, конечно, не собирается?

Олег пожал плечами, в серых глазах мелькнула насмешка. Впрочем, вопрос был чисто риторический. Городовой и деньги — вещи несовместимые. Значит, опять заниматься благотворительностью.

— Есть идеи? — поинтересовался он.

Я пожалала плечами:

— Домой. Отоспаться как следует, потом все обдумать.

Олег тоже встал, длинной затяжкой уничтожил сигарету и бросил в урну. Потом подхватил портфель. Черный, дорогой, с золотой застежкой.

— Годится. Как надумаешь — звони.

Я кивнула:

— Договорились.

Через несколько секунд я осталась одна — Читающий Сны всегда уходит очень быстро.

Некоторое время так и стояла, не двигаясь. Потом развернулась и пошла прочь, оставляя за спиной набережную и памятник-каравеллу. С Олегом поговорю позже, сейчас нужно сообразить что и как.

С заходом солнца стало заметно прохладнее. Настолько, что я невольно обхватила себя руками: тонкая туника из бледно-зеленого шелка не спасала. Странное лето в этот раз выдалось. То холод, то жара — ничего не разобрать. Хорошо бы домой добраться до ночи. Ночь — время Городового. Не хочется встретиться лицом к лицу с ним и его ручным львом.

Итак, что мы имеем?

Четыре смерти в области. Пожилая женщина, мальчишка четырнадцати лет, древний старик и девочка, совсем ребенок. Серебряный кулон в моем кармане принадлежал ей. Эти люди никак не связаны между собой. Единственная ниточка — все жили на побережье Азовского моря. Стрелковое, Счастливецво, Приозерное. Все рядом, однако требуется время, чтобы добраться из одного поселка в другой.

Я остановилась, уставившись на красный глаз светофора. Машины с ревом пронеслись мимо.

Всех убили ударом ножа в сердце. При этом изуродовали параллельными и перпендикулярными надрезами, словно убийца сидел и специально выводил ножом клеточки на телах и лицах убитых. Зачем? Бред какой-то.

Вместе с собравшимися людьми я перешла дорогу, едва не налетев на спину резко остановившейся бабули.

— Осторожнее, девушка, — свысока бросила она, поджав сухие губы.

— Извините, — пробормотала я, не сбавляя скорости и обходя ее.

Девушка, да уж. Молоденькая. Моложе не придумаешь. Хотя выгляжу весьма недурственно. Так, но об этом сейчас думать не стоит.

Пробегая мимо бюста Суворова, я склонилась ниже, чем требовалось, чтобы разглядеть камни под своими ногами. Вечера доброго, Александр Васильевич, ты уж прости, что давно не забежала — все времени не хватает. Думаете, памятник — это просто так? Что там никто не живет и не наблюдает за вами? Ха!

На тонких губах из темного камня мельком появилась улыбка. Прощает — не злится.

Это хорошо. Не стоит ссориться с хранителем центральной улицы города. Особенно если сама живешь неподалеку от его дома. Бывшего. Пускай уже более двух веков дом смотрит на памятник своему хозяину пустыми окнами глаз, рановато списывать Александра Васильевича со счетов. Духи не стремятся покидать мест, в которых провели много времени.

Но задуманное так и не свершилось. Вместо того чтобы сразу отправиться домой, я бродила по улице, пытаюсь сопоставить кусочки мозаики. Порой бывает, что не хочется отгораживаться от человеческих голосов и лиц, хоть никакой особой пользы это и не приносит. Вернуться до наступления темноты так и не получилось. Впрочем, вряд ли Городовой следит за каждым моим шагом.

Кстати, шаги... Подойдя к двери подъезда, я замерла. Откуда странный солоноватый запах? Сейчас во дворе цветет липа — должен чувствоваться мед, и только. Я присела и провела пальцами по земле. Хм, вмятины от чьей-то подошвы, явно не человеческой. Взяла щепотку и перетерла пальцами — кожа вмиг заледенела. Это что еще за новости? К кому в этом доме таскаются нелюди, кроме меня?

Дверь скрипнула, во двор выглянула Людмила Петровна, незабвенная соседка сверху. Прищурила подслеповатые глаза и поправила очки.

— Яна? Что ты там делаешь? — поинтересовалась она скрипучим голосом и принялась осторожно спускаться со ступенек.

Интересно, куда это ее понесло в такое время? Однако лучше делать ноги. Людмила Петровна из тех дам, которые действуют во имя светлого будущего и лиги справедливости старушек на лавочках. С обязательным уточнением: «Молодежь сейчас совсем распустилась».

Пришлось быстро подняться, нечего бабушку озадачивать — потом же житья не даст.

— Ключи выронила, — невинно соврала я и метнулась к двери, успев поймать ее до того, как закроется.

Людмила Петровна не успела ничего ответить — и то радость.

Квартира встретила меня тишиной. Но стоило только сбросить босоножки, как откуда-то сверху спрыгнул Нешка. Выгнул черную спину, раскатисто заурчал и сверкнул зелеными глазищами. Почти такими же, как и у меня. Не зря говорят, что звери похожи на своих хозяев. Подхватив кота на руки, я почесала его за ухом.

— Что, бандит, голоден опять?

— Ур-р-ру, — согласился он.

— Ладно, сейчас что-нибудь тебе найдем, — пообещала я, опуская его на пол.

Тут же по линолеуму зацокали когти. Нешка не очень-то любил, когда его желания выполняли не сразу, а попозже. Негласная война между нами велась каждый день. Ибо он был абсолютно уверен, что статус хозяина дома принадлежит ему безраздельно.

Скинув одежду, я направилась в душ. Вроде температура на улице не перескакивает за тридцать, а ощущения все равно премерзкие. Ударившая в спину струя холодной воды заставила вздрогнуть. Не к месту пришли воспоминания о лезвии ножа. Лезвие, скользящее по коже и впивающееся в шею. Медленно-медленно, словно в кино.

Плеснув на лицо водой, я переключилась на мысли о Грабаре. Все документы подписаны, заказчик обещал перевести деньги за прошлое дело. Вода стала теплее, неприятные мысли начали таять.

На кухне что-то стукнуло. Нешка разошелся, гад. Я выключила воду и потянулась за полотенцем. Выйду — накручу хвост безобразнику.

Рука ухватила пустой воздух. Недоуменно уставившись на вешалку, вдруг сообразила, что так и не соизволила достать полотенце из шкафа, а прежнее браво улетело в корзину для грязного белья еще утром. Чертыхнувшись, я выбралась из ванной и прошлепала босыми ногами в комнату. Кожу приятно холодило, так бы и ходить, хорошо, хоть тут никто не будет умничать, а Нешке без разницы, как я выгляжу.

— А ты не торопишься, — неожиданно произнес кто-то низким шелестящим голосом, от которого стало не по себе.

Я замерла, уставившись на еле различимый силуэт у окна. Черт, как же надо было уйти в себя, чтобы не сообразить, что тут у меня гости?

И не разобрать же кто. А Нешка, предатель, даже не зашипел. На раздумья ушла секунда. Я метнулась к выключателю, но запястье перехватили стальные пальцы.

— Тш-ш-ш-ш, — прошептал незнакомец почти на ухо, — не так быстро.

Мигом обдало запахом моря, травы и песка. Меня прижали к стене, не дав рыпнуться. Попыталась вырваться, однако ощущение такое, будто придавило камнем. Никуда не деться.

Хуже всего было, что тело сковала слабость. Даже хорошенько двинуть я была не в состоянии. К тому же враг явно сильнее меня. А еще предательски закружилась голова: такое бывает, когда выходишь из моря на берег и смотришь на воду, отливающую назад, перебирающую множество битых ракушек прозрачным пологом.

— Что вам надо?

Смешок, от которого не по себе. Запах стал отчетливее. Если закрыть глаза, можно подумать, что я на берегу моря. Черного ли, Азовского — не суть.

— Вот теперь правильный вопрос, — прошептал он и чуть ослабил хватку на моей руке.

Впрочем, не настолько, чтобы можно было выбраться. Еще б отодвинулся немного — вообще хорошо. А то положение получалось жутко недвусмысленным, учитывая, что из одежды на мне ничего.

— Про маньяка с сетью — забудь, — прошептал он.

Сеть?

Крепкие пальцы вдруг сдавили мое горло, и я захрипела. Но чудом извернулась и лягнула его ногой. Успеха не достигла, но воздух хлынул в легкие.

— Не твое это дело, Колесник, — мягко произнес он и неожиданно провел пальцами по моим волосам, заправив непокорную прядь за ухо.

Упираюсь — глупо, но главное не показать, что едва он отсюда выйдет, спущу на него всех собак. И даже заявлюсь к Городовому на аудиенцию. Только бы сейчас переждать.

— Даже не стоит пытаться, — внезапно со смешком заявил незнакомец. — Узнаю — лично откручу голову.

Очень захотелось, чтоб это была не моя голова. Попытка врезать еще раз бесславно провалилась. Меня скрутили так, что продохнуть оказалось трудной задачей.

— Кто... вы? — прохрипела я, стиснув зубы и стараясь не думать о боли.

— Мор-р-р-е, — прошелестело мне на ухо, и шею обожгло что-то горячее.

Пол почему-то ушел из-под ног, и я рухнула вниз.

...В себя пришла от того, что невыносимо ныли шея и плечи. Рядом сидел Нешка и надрывно завывал. Кое-как приподнявшись на руках, я мотнула гудящей головой.

— Не ори, я не умерла.

Кот резко смолк и уставился на меня, всем своим видом выражая подозрение. Потом

осторожно приблизился, обнюхал и громко чихнул.

— Будь здоров — спасибо, — пробормотала я.

С трудом поднявшись на ноги, все же включила свет. Стрелки часов замерли на безпятнадцати двенадцать. Учитывая, что домой я пришла где-то к десяти, — впечатляло. Кем бы ни был этот гад, его визит ничем хорошим мне не светил.

Нешка вновь заорал. Вспомнив, что я так и не накормила зловредного кота, выдала ему сардин и на время остановилась возле зеркала. Все на месте, никаких порезов, синяков и царапин. Значит, можно плюнуть на заботу о здоровье и завалиться спать. Утро вечера мудренее.

Нешка пришел ко мне под бок, предварительно старательно размазав остатки сардин по морде. Потом этой же нахальной мордой ткнулся мне в руку и довольно заурчал. Уступив коту законные полкровати, я отключилась.

Приснилось что-то странное.

Солнце, синее море, пылающее серебром от падающих сквозь толщу воды лучей. Ветер приносил соль и свежесть. Я сидела на берегу и смотрела вдаль. В босые ступни впивались осколки ракушек и мелкие камешки. За спиной кто-то стоял. Тяжелые руки лежали на моих плечах.

Он что-то сказал. Но из-за шума моря нельзя разобрать ни слова. Только мои губы почему-то тянулись в дурацкой и безумно счастливой улыбке, а внутри было так горячо, что, казалось, южное солнце разгорелось на месте сердца.

Чьи-то пальцы коснулись моих волос, ласково перебирая пряди. Горячее дыхание обожгло шею, ладони проскользнули под рубашку. Мягко, осторожно, почти невесомо.

— Пришла... — с трудом сумела разобрать я.

Возражать не хотелось, хотелось наоборот — согласиться. Где-то на краю сознания мелькнуло понимание, что все очень странно и есть на земле только один человек, которому бы я могла так радоваться. Только вот не пахнет он солью и не опалает жарой полуденного солнца.

Меня вдруг резко опрокинули и придавили к берегу. В спину впились острые края ракушек, а по телу пробежал озноб. На меня смотрели глаза: ни синие, ни зеленые, ни голубые — волнующееся море; аж голова пошла кругом.

Шершавые пальцы гладили мою скулу, щеку, провели по губам. Голос-ветер, голос-волны что-то шептал, смеялся...

Я наконец-то разглядела лицо напротив. Внутри все сжалось. Вместо глаз — провалы, из которых по щекам сползали черно-бордовые вязкие капли. Улыбка — оскал чудовища, кожа рассыпалась в пыль. Изуродованные губы исказились, из горла вырывался жуткий смех. Седые волосы трепал ветер.

Тварь склонилась к моему лицу, скалясь-улыбаясь в безумном веселье. Зловонное дыхание заставило подобраться к горлу тошноту.

— Яна... — шепот. — Ты скоро узнаешь...

Рядом упала окровавленная рыбацкая сеть. Сжалась, как живая, поползла ко мне, резко стянула мои ноги. И вдруг рванула все выше, выше, выше...

Я вздрогнула и распахнула глаза. За окном светало. Нешка тихонько сопел рядом. Кошмар медленно выпускал из своих липких щупалец. Время еще есть. Надеюсь, что день

окажется лучше ночи.

Однако выспаться было не суждено. В замке послышался звук проворачивающегося ключа. Я на мгновение замерла: неужели ночной гость вернулся? Внутри появился горячий комок. Я резко вскочила с постели и стала возле стены, всматриваясь в зеркало на двери. Не зря его повесила сюда: позволяет прекрасно видеть, что происходит в коридоре. Правда, чертов полумрак ничего не давал разглядеть.

— Любимая, я дома, — раздался бодрый голос Олега.

Сплюнув от досады, я облокотилась на косяк двери и мрачно заметила:

— Верни ключи от моей квартиры.

Желание придушить его несколько приглушалось тихой радостью, что по мою душу не явился ночной незнакомец. Физиономия Грабара излучала неподдельное участие, а невинные серые глаза, казалось, могли вынуть душу. Словно это я к нему явилась ни свет ни заря. Проклятый жаворонок.

— Верну, конечно, — сообщил он ровным тоном, быстро разулся и прошел на кухню, деловито неся объемный пакет. — Когда ты умрешь.

Я закатила глаза и пошлепала в ванную. Ну да. Однажды имела глупость попросить его приглядеть за котом, если меня вдруг убьют. Олег воспринял это чересчур серьезно.

После холодного душа стало лучше. Сон полностью не прошел, но мозги зашевелились активнее. Глянув на себя в зеркало, отметила темные круги под глазами и мерзкую бледность. Красавица, ничего не скажешь. Не хватает только таблички: «Чучело руками не трогать». Ладно, на лицо ужасная — добрая внутри.

С кухни донесся убедительный кошачий мяв. А потом — суровый голос Олега:

— Подожди, не такой ты голодный.

Их идиллию нарушила я: еще не совсем проснувшись, раздраженная и неожиданно голодная. Впрочем, Олег колдовал над сковородкой. В воздухе стояли непередаваемые ароматы колбасы, жареной яичницы и помидоров. Кажется, еще чуть-чуть, и я прошу ему утренний визит. Прекрасный секретарь, который на самом деле совсем не секретарь.

— Твои кошмары обрели сексуальный оттенок, — заметил он, стоя ко мне спиной.

Ни намек на осуждение, а вот ехидства — целый бочонок. Конечно, когда читаешь сны своей напарницы, приятного мало. Хочешь не хочешь, а надо. Потому и прискакал сюда.

— У тебя уже есть толкование? — уточнила я, внимательно следя, как сковородка переключивается на стол, на можжевелевую подставку прямо перед моим носом.

Олег мотнул головой и сжал губы. Это плохо. Возможно, проснись я попозже, он смог бы что-то выудить.

Он сел рядом. Достал пачку сигарет из кармана, покрутил в руках. Потом спрятал. Я нахмурилась. Если драгоценный напарник начинал теревить в руках какие-то предметы, то явно нервничал. К чему бы?

— Что случилось? — осторожно поинтересовалась я, одновременно беря вилку. Плохие новости лучше слушать сытой.

— Ешь, — буркнул Олег, вздохнул и все же присоединился к завтраку.

Грабар — существо непредсказуемое. Решит, что последствия кошмара могут быть для меня слишком серьезны, — заявится и выкинет фокус вроде приготовления завтрака, чтобы переключить мое внимание. Решит, что я его достала — запросто отрубит телефон и исчезнет из города. Правда, ненадолго.

Работа Слышащей Землю и Читающего Сны — одно целое. Поэтому приходится все

время находиться в зоне досягаемости.

— Есть новость, — неожиданно произнес Олег и положил на стол билет.

Простой, маленький, с плохо пропечатанными буквочками: «Херсон-Геническ». Я приподняла брови:

— Ты решил меня отправить на море?

— Не я, — хмыкнул он, довольно прищурившись, — а твой любимый Городовой. Автобус — в семь. У тебя осталось полчаса.

— Сволочь, — искренне выдала я.

Не став уточнять, кто именно: Городовой или Грабар. Ведь последний прекрасно знал, что море я ненавижу.

Глава 2

Солнце и шаг

Дорога в назначенное место займет не меньше трех часов. Стрелковое — село, где убили маленькую хозяйку серебряного кулона, — находилось на приличном расстоянии от Геническа, в который я сейчас ехала. Заняв место у окна, бездумно уставилась на мелькающий пейзаж. Не люблю разговоры в дороге, потому и попутчиков тоже не люблю. Сейчас, пусть даже через тонкую преграду стекла, можно почувствовать себя свободной. Хоть на какое-то время откинуть в сторону все мысли, которые не покидают при ходьбе по грешной земле.

Старенький микроавтобус вез к южнейшей точке Херсонской области. Обычно туда приезжают, чтобы подгореть, просолиться и залюбоваться. Стрелковое находится на границе с Крымом. Конечно, нет той зеленой роскоши гор и плещущих синих волн, но есть другая — не столь броская, но пышущая жаром, золотая, под коркой соли.

Я покрутила головой: слева и справа земля, засеянная солнцами. Черные круги, обрамленные желтыми лепестками, поворачивались к солнцу; простирались аж до горизонта.

Сухая, зеленая, золотая скифская степь сливалась с небом.

Небо было июльского цвета — синее-синее, замершее над горячим воздухом.

Еще немного — и будет Сиваш по правую руку. Наше Гнилое море. Маленькое, но отчаянно соленое. Впрочем, тут и так будет соль: на губах, языке, ладонях.

Даже сквозь стекло ощущалось, как солнце горит — радостно целует землю. И сама вышла бы из брэнного тела — стала горячей, сухой, с пылью и солью. И не ушло это чувство даже тогда, когда я ступила на вытопанную дорожку возле неприметной коричневой остановки, чтобы перескочить на другой автобус и добраться до Стрелкового.

Уже выехав за окраину Геническа, я кое-как сумела сбросить степные чары. Место в этот раз досталось в самом конце автобуса, где изрядно пахивало бензином и было немислимо жарко. Чтобы хоть как-то отвлечься, бездумно вынула из кармана мобильник и не менее бездумно принялась клацать игру с перепрыгивающим шариком.

— Ой, ну просто невозможно. — Рыжеволосая соседка в открытом белом платье обернулась назад, жалуясь кому-то: — Жара, такая жара. Только поедешь отдохнуть, как на тебе!

— А ты хотела, чтобы был дождь? — резонно возразил женский хриловатый голос.

— Нет, но сама подумай, какие фотки получатся? Я же так быстро обгораю, — пожаловалась рыжая.

«Нефиг по морям тогда разъезжать», — про себя хмыкнула я.

Пальцы ткнули в раздел галереи, автоматически пролистывая фотографии. В основном — виды города и природа. Несколько штук — Олег в образе бесшабашного гуляки с Тышо-тышо феста, ибо нельзя было не щелкнуть ради шантажа. Олег исчез, появилось новое фото: парень в темной одежде, стоящий на берегу Днепра. Стройный, можно даже сказать, худой. Вглядывается куда-то вдаль, в закатную речную гладь. Ветер развеивает длинные каштановые пряди, которые он безуспешно пытается придержать правой рукой. В левой — ивовый пруттик. На губах улыбка — добрая, почти детская. Он стоит в профиль, но я прекрасно знаю, что в темно-карих глазах спрятана та же доброта, что и в улыбке. Весь он угловатый, тонкий

и чуть нескладный. Как олененок. И в то же время как-то по-особенному очаровательный.

Сердце заныло. Нахмурившись, я резко пролистнула фото, заблокировала мобильник и уставилась в окно. Ошибки надо исправлять. И неважно, прошлое это или будущее. Я вздохнула и прикрыла глаза, упорно делая вид, что не замечаю заинтересованный взгляд рыжей. Нет, дамочки на выезде, не хочу ни с кем болтать. Грабар... тот, пожалуй, подошел бы вам. Он бы сумел крутить любовь и делать одновременно работу. Я же в этом смысле занудна и нерасторопна.

Мы въехали в Стрелковое. Кулон в моем кармане неожиданно нагрелся. Угу, значит, следую верно: энергетический контур так и подпекает.

Когда автобус наконец-то остановился, я была готова молиться всем богам, что прибыла на место. Первым делом закинула вещи в гостиничный дом. Такой, без опознавательных знаков, с минимумом мебели и абсолютным отсутствием какой-либо кухни. Впрочем, я сюда приехала не на морском бережочке нежиться, поэтому жилище сочла удовлетворительным. Оплатив хозяйке, полногрудой красавице (весьма немолодой) три дня, тут же направилась в село. К дому, к которому так тянул горячий кулон.

Его владелицу звали Кристина Далева. Шесть лет. Воспитывалась матерью-одиночкой Екатериной Андреевной, работающей в местной школе. Жили бедно, но довольно сносно. Ничем не выделялись, обычные люди. Серебряный кулон — подарок бабушки покойного отца, первого и единственного мужа Екатерины.

Узкие пыльные улочки петляли меж домов. На траве возле покосившихся заборчиков невозмутимо паслись куры и гуси. Войственно настроенная индюшка покосилась на меня, но после деловито отошла в сторону. Ветер шумел листвой деревьев.

Стрелковое жило своей жизнью, далекой от смерти, Городового и Слышащей Землю, уныло бредущей вперед.

Сильно приближаться к дому Далевой я не стала. Видно, что мужских рук не хватает, ремонта давно не было. Но при этом двор, виднеющийся через невысокий забор, чистенький. На окнах аккуратные шторы в горошек, подоконники покрашены в ультрамариново-синий. А вот с крышей беда... Ну да ладно, не мое дело.

Сразу, конечно, хотелось подойти как можно ближе. Даже, если выйдет, завязать разговор с Екатериной, но...

Я замерла, стоя в густой тени лип и глядя на синие подоконники. Серебряный кулон, сжатый в руке, обжигал кожу. Только сейчас поняла, что никакого разговора я завязывать не буду. Ложь выйдет слишком неубедительной, а маньяк вряд ли не заметит, что им заинтересовались. Почему-то я была абсолютно уверена, что он здесь, в Стрелковом.

Деревянная дверь скрипнула, и на пороге появилась молодая светловолосая женщина. Миловидная. Только горе перечеркнуло лоб глубокой морщиной и болезненно изогнуло уголки губ; присыпало серебром русые пряди. Она посмотрела на меня — молча, безразлично. Кажется, и вовсе не заметила. Стало не по себе. Женщина медленно спустилась, свернула к невзрачному сарайчику.

Отлично. Я быстро приблизилась, глубоко вдохнула горячий воздух, сосредоточившись на ощущениях. Из земли поднялись невидимые спирали и обвили мои ноги. По телу пробежала жаркая волна, голова пошла кругом. Внутри словно загорелось маленькое солнце. Земля хорошо знает свою служительницу и всегда откликается на зов.

Перед глазами опустилась туманная пелена, а в ушах загудело. Миг — и две реальности закружились, расслоились, одна перекрыла другую. На задний план отошло июльское солнце

и пронзительный знойный день.

Запахло яблоками и свежей сдобой. За окном опустился летний вечер. В зоне видимости появился телевизор, показывавший мультфильм про каких-то животных. Взгляд уперся в розовые тапочки и брошенного на полу плюшевого зайца.

— Кристина! — звонко окликнули с кухни. — Ужинать!

— Иду, мам! — крикнули мои губы детским тонким голоском.

Спрыгнуть с дивана — совсем ерунда. Это не то, что вчера с дерева, Колька-сосед научил же. Хорошо хоть мама не видела, а то точно в углу стоять пришлось бы.

Побежав вприпрыжку на кухню, тело резко замерло.

Меня звали. Но не голосом, а проговаривая древний призыв, без слов. Сознание ребенка запаниковало. Сознание Слышащей Землю, мое собственное, — с горечью усмехнулось.

Секундной растерянности хватило — острый укол в шею. Боль, страх. Из горла вырвался крик, но тут же сменился сипением.

Я охнула и разорвала связь с жертвой. Земля под ногами дрогнула, а к горлу тем временем подобралась дурнота. Бр-р-р, еще мне набираться опыта и набираться. Слышащая Землю не должна пропускать чужие эмоции через себя.

— Вам плохо? — раздался женский голос, полный сочувствия и участия.

Опершись на ствол липы, я мутным взглядом обвела все вокруг. На стоявшей возле забора Екатерине зрение упорно отказывалось фокусироваться.

— Нет-нет, порядок, — ответила я, выдавив слабую улыбку. — Это все жара. Не подскажите, как пройти к морю?

Стандартная фраза. Каждый второй сейчас это спрашивает.

«Сумасшедшая», — мелькнула мысль в ее глазах. Однако, видимо, решив, что это исключительно мое дело: треснет солнечный удар по макушке или нет, Екатерина махнула в сторону базы отдыха.

— Туда. Обойдете, потом прямо — как раз и выйдете.

— Спасибо, — пробормотала я, быстро покидая узорчатую тень лип и оставляя старенький домик с ничего не понимающей женщиной за спиной.

Говорить с теми, кто пережил горе, — не мое. Трусливо? Да. Но мне хватает своих проблем, от чужих становится и вовсе невыносимо.

Шагая по широкой дороге между бетонных стен, что вела прямо к дикому пляжу, я проклинала лезший везде песок и анализировала увиденное. Итак, имеем весьма скудную картину: покойная Кристина не видела лица нападавшего. Да и почувствовать толком не успела. М-да.

Я перецепилась за ветку и ругнулась под нос. С детьми тут плохо: ауру или движение энергии они уловить хоть и могут, но распознать не в состоянии. Тут даже наличие кулона мне никак не поможет. Кстати, надо будет его вернуть матери. Только не сейчас, чуть позже. Так что... хочешь или нет, а идти по домам других жертв необходимо.

Ветер ударил с размаху, заставив задохнуться. Я остановилась. Там, в метрах десяти от меня, шумело море. На некоторое время все мысли исчезли. Хоть я его и не люблю, хоть и...

Под ногами шуршал битый ракушняк. Я приблизилась к самой кромке — вода теплая, совсем близко — с мутной прозеленью.

С берега — лазурно-голубая, присыпанная пылающим серебром. Солнце словно раскидало свои лучи и бросило горстью монет в мягко накатывающие волны. Смотреть даже больно: так и сплит, так и не дает отвести взгляда.

Ветер рассмеялся, растрепал мои волосы, ухватил одежду невидимыми руками. А небо тут бескрайне синее — июльское, чистое. Так бы стояла и стояла, позабыв обо всем на свете.

В кармане завибрировал мобильник. Я глянула на высветившуюся фамилию и хмыкнула. Грабар. Конечно, кто ж еще?

— Ты где? — поинтересовался он.

— А я на морі-і, — ехидно протянула я, цитируя рекламу.

Олег только фыркнул, пряча смешок:

— Если кому скажу, что Колесник решила позагорать, — не поверят и окрестят вруном.

— А ты и не говори, — лениво произнесла я, отходя подальше от нахальных волн, так и норовивших намочить обувь. — Как дела?

— С нами расплатились за дело Ракевичей, — довольно сообщил он, — но я звоню не поэтому.

— Мог бы и порадовать, — буркнула я, присаживаясь и касаясь ладонью воды. Нет, глупо, конечно, вода может ответить только Дышащим Морем, но никак не мне.

— На тебя тут открылась презанятнейшая охота, — сообщил Олег таким тоном, словно поздравлял с днем рождения.

Весть неприятная, но как-то не сказать, что неожиданная. После ночного визита особенно.

— Кто? — сухо спросила я.

— Дом говорит, что это чужак и солоны его следы. Но почувствовать не может даже он. Жалуется, что крыша скоро потечет, если вовремя не обратить внимание ЖЭКа.

Я только хмыкнула и медленно побрела по берегу, бездумно и безотчетно, будто пытаюсь найти ответ на загадку там, где его не было.

— Он всегда жалуется. Такой уж у меня дом.

— Может, просто все же стоит обратить на него внимание? — снисходительно поинтересовался Олег.

Я только пожала плечами. Грабар не мог этого видеть, но прекрасно чувствовал мой настрой.

— Смотри по сторонам в оба, — вдруг глухо произнес он, — и выпей на ночь успокоительное.

Последнее заставило озадачиться. Так, что я даже остановилась.

— Это еще зачем?

— С твоей манерой спать урывками я не смогу растолковать ни один сон, — недовольно протянул Олег. — Это не просьба, это приказ.

Неожиданно дунул такой порыв ветра, что кожа покрылась мурашками от холода. Сидевшая рядом девица в откровенном розовом купальнике даже не поежилась. Возившийся с пасочками и лопаткой маленький ребенок — тоже. Я нахмурилась. Что еще за история? И поняла, что Олег еще говорит, но я уже порядком прослушала.

— ...что-то надо будет и тогда...

— Что-что? — переспросила я.

— Колесник, у тебя там тазик вместо головы? — обозлился он. — Спрашиваю, что тебе нужно и как долго торчать будешь там? Городовой ответ спросит — за ним это не заржавеет.

Я поморщилась, новый порыв ветра заставил отойти назад. И внезапно озарила мысль.

— Узнай, что известно про сеть нашего маньяка.

— Сеть? — В голосе Олега появилась озадаченность. — Какая еще, к черту, сеть? Они

были убиты ножом.

— Тоже мне, толкователь снов, — фыркнула я. — Узнавай, это может оказаться важной деталью.

— Хорошо, — вздохнул он, — слушаю и повинуюсь... мучительница.

С последним я была крайне не согласна: обычно мучителем в нашем тандеме выступал как раз он.

Ветер вдруг стал мягким и ласковым, оберегающим от палящего солнца. Обернувшись, я успела разглядеть, как на стенке внушительного здания магазина мелькнула тень. Быстро-быстро. Только следы на песке остались — обычные, человеческие, не слишком большие. Хм. За мной уже следят? Только... неужто искомый мной маньяк умеет повелевать ветром?

Олег что-то буркнул на прощание и отключился. Решив, что он прав и смотреть надо действительно в оба, я решила на время оставить Стрелковое и проехаться в Счастливецво, знаменитое своими солеными озерами.

Однако добраться туда так и не получилось. Голова неожиданно начала раскалываться, а дышать густым горячим воздухом стало практически невозможно. Выматерив от души южное солнце, которым еще недавно так восхищалась, я поплутала по улочкам и забрела в первый попавшийся магазин.

«А цены тут дай бог», — хмыкнула, изучая небогатый, но вполне удовлетворительный выбор.

Что ж, я сюда приехала не есть, хотя не отказалась бы от какой-либо сносной кафешки. Но вот чего нет, того нет. Дикий отдых, чтоб его. Прихватив воды, кофе, хлеба и колбасы, молча сгрузила покупки у кассы. Продавец, девица необъятных форм и, кажется, весьма активной жизненной позиции, пробила товар.

Вернувшись в гостиничный дом, я едва не столкнулась с девушкой в неприлично коротких джинсовых шортах и малиновой майке.

— Ой! — охнула она, поправив огненно-рыжие кудряшки. — Извините... — И снова. — Ой! Мы же ехали вместе в автобусе.

Этого еще не хватало! Выдавлив вежливую улыбку, я кивнула:

— Да, здесь, по сути, можно приехать только в одно место.

Девица разулыбалась, хотя сказала я откровенную чушь. Хоть тут и дикие пляжи и с цивилизацией явный напруг, гостиничных домов, больших и маленьких, пруд пруди. Но, видимо, это судьба. Девица, кстати, была не такой уж страшенькой. Точнее, совсем даже не страшенькой. Может, и не слишком болтливой.

— Дина, я зонтик не взяла, — послышался уверенный голос, и рядом с рыжей появилась миловидная брюнетка.

Дина насупилась, разом позабыв обо мне.

— Почему? Он же не тяжелый.

Я только хмыкнула. Обе девчонки тут же уставились на меня, словно заподозрили что-то нехорошее.

— Ваша подруга права, — мягко произнесла я. — Просто у моря — сильнейший ветер. Зонт и впрямь лучше не брать.

Они переглянулись и как-то синхронно кивнули.

— Да, чувствуется, — неуверенно сказала Дина и поправила сползшую с плеча тонкую лямку майки.

Вот же ж барышня! Вечно у нее что-то спадает.

— А вода теплая? — требовательно спросила брюнетка.

Я пожала плечами:

— Не скажу даже — не пробовала.

Девочки вновь озадаченно на меня посмотрели, но благоразумно смолчали. Вежливо распрощавшись, мы каждый направился в свою сторону. Правда, благодаря чуткому слуху, я все же разобрала:

— Странная. Красивая, но странная. Будто не на отдых приехала, а на пытки.

Я лишь криво улыбнулась, поднимаясь по деревянной лестнице на свой второй этаж. Именно, раскрасавицы, так оно и есть. Черта с два я бы сюда явилась по своей воле.

Первым делом сунула продукты в холодильник и приняла душ. Стало чуть легче, но ненадолго: голова гудела и глаза предательски слипались. Всегда так в жару — воздуха не хватает и полная сонка-дримка.

«Только пусть глаза отдохнут», — решила я, садясь на кровать, а потом откидываясь на подушку.

Шума моря здесь не услышать. Только ветер, только голоса и порой — моторы проезжающих за забором машин. Возможно, не такое уж плохое место. Но об этом подумаю послезавтра. Завтра — Счастливецво и Приозерное. Заглянуть в оба поселка, поискать следы погибших женщины и старика. Хоть что-то должно было сохраниться. Земля же помнит, кто по ней ступал, а дома должны были сохранить ауру. С Кристиной вышла незадача, впрочем, с детьми всегда так... слишком быстро истаивает энергетический контур, по нему ничего и не прочтешь. Эх...

Сон накатиł удушливой волной, тяжелой и непоправимой. Сознание погрузилось в состояние оцепенения и безразличной лени.

— Упр-р-рямая, — прошелестело море на ухо, — упр-р-р-рямая.

Я вздрогнула, попыталась открыть глаза, но... ничего не вышло. Мигом затопила паника, сердце застучало в висках. Нет, что это такое?

— Боишься, — прошипел морской отбой, — пр-р-равильно.

Ветер пошевелил мои волосы, огладил щеку, смешливо пощекотал губы. Вокруг не было непроглядной тьмы, все застлало оранжевато-серое полотнище, словно я сквозь закрытые веки смотрела на солнце. Стало нестерпимо горячо, пальцы произвольно сжались, загребая битые ракушки и песок.

— Тш-ш-ш...

Сильные руки неожиданно стиснули меня, будто стремились задушить. Я дернулась, пытаюсь освободиться, но потерпела неудачу. Паника исчезла, вместо нее нахлынула злость. Опять этот дурацкий сон!

— Ну-ну, тише, — довольно проурчали мне на ухо. А хватка и впрямь стала не столь сдавливавшей. — Спокойно. Я не причиню тебе зла.

Послушно замерла, чтобы нащупать энергетический поток ауры моего пленителя. Только потянулась, и вдруг словно резко окатило кипятком. Я охнула и зажмурилась. Хотя это было и без толку — все равно ничего вокруг не видела.

Он что-то еще сказал, но я не разобрала. Хотелось выть побитой собачонкой. Больно, черт, как же больно. Да до кого же, в конце концов, я дотронулась?! Аура безумно сильная, тут даже приближаться нельзя.

— Смело, но неосторожно, — прошептали рядом.

Но я уже не слышала. Жар затопил полностью, сознание растворилось в обжигающей дымке. По моему телу скользили чьи-то руки: ласкали, гладили, сжимали. А может, не руки вовсе, скорее уж упругие потоки теплого воздуха... но не ветра.

«Неужто все же поймала солнечный удар, и теперь уже и глюки пошли?» — мелькнула мысль на краю сознания.

— Тоже мне, героиня, — тихо рассмеялись, погладили по волосам и неожиданно ласково поцеловали в висок.

Злость внутри мешалась с горечью, обидой, бессилием. Хотелось сжать кулаки и что есть силы врезать. Неважно, куда попаду — лишь бы побольнее. Только обе моих руки сжали и вдруг начали целовать пальцы. Я вздрогнула и тут же онемела, не понимая, что происходит. Слишком странное издевательство, слишком непонятное...

— Отпусти, — еле слышно прошептала пересохшими губами.

— Нет, — твердо, но тихо выдохнуло море. — Нет, покор-р-р-рись...

Мира вокруг не стало. Я понимала, что проиграла, почти проиграла. Что-то невероятно могущественное и древнее подавило волю, заставляя превратиться в рабыню стихии.

Из околдованного оцепенения вырвал оглушительный звон металла. Я резко вскочила и непонимающе уставилась пол. На бежевом коврик лежал странный предмет, напоминающий грубо изогнутый крюк для рыбной ловли.

Внезапно за окном раздался крик. Женский.

Поборов головокружение, я поднялась и подошла к балкончику — довольно хлипкой конструкции из сваренных металлических прутьев, выкрашенных белой краской. Взору открылась детская площадка. Синяя горка. Лесенки. Песочница. Разбросанные игрушки. Узенькая беседка с дешевыми пластмассовыми стульями, которые можно встретить в любой пивнущке.

Ревущий мальчик в голубых шортиках и съехавшей набекрень кепке отчаянно утирал измазанную мордашку одной рукой, а второй лупил по земле. Возле него хлопотала заботливой наседкой пожилая женщина.

Так, понятно. Всего лишь звуки реального мира. А я уже чуть не навоображала черт знает что. Зябко передернув плечами, несмотря на стоящую летнюю духоту, я села на кровати. Путешествие к морю явно идет не так, как мне того хочется. Сны стали слишком странными. Вязкими. Почти реальными. Кто-то играет со мной, зная, что можно подергать за ниточку, словно марионетку, и заставить быть покорной своей воле, а потом выбросить.

Голова соображала плохо. Я бездумно смотрела на белую стену напротив. Интересно, что мне вечером скажет Грабар? Ведь каждый раз он складывает новый кусочек мозаики в свои сюрреалистические картины снов.

Я забралась с ногами на кровать, потеряла виски. Так, хватит страдать. С первого раза с Далевой ничего не вышло. Но это не причина не попробовать сыграть повторно. К тому же...

Я вздрогнула. Вот идиотка же! Тень на стене! И странное дуновение ветра. За мной спокойно кто-то может следить и передавать информацию о каждом шаге тому, кто потешается надо мной каждый раз.

Сделав глубокий вдох, я бросила взгляд в сторону стола, на котором стояла банка кофе, чашка и стикеры с сахаром. Так, внутри все равно ничего не лезет, а вот кофе не помешает.

Вообще, скажу честно, быть Слышащей Землю — это не только бесконечные поручения Городового, опасные ситуации и возможность свихнуться, не дожив до старости. Слышащая Землю — это знание, неподвластное обычным людям. Это когда к тебе прислушиваются

существа разных миров и уровней, потому что связь с землей священна. Я не ощущаю голода так, как остальные. Меня кормит земля. Конечно, человеческая пища все равно нужна, но не так, как остальным. Кстати, полезное умение.

Во вред свой дар я никогда не использую. Нельзя.

Я щелкнула кнопкой чайника. Разорвала сахар и сыпанула в чашку. Дар. Не совсем верное слово. Талант? Уже ближе. Но все равно не совсем то. Каждый человек может что-то по-своему. Так, как не может никто другой. Вот и слышать землю... каждый из нас делает это только так, как позволяют силы и возможности.

Коричнево-золотистые гранулы последовали за сахаром. Забурлила закипевшая вода, чайник громко щелкнул. Я залила кофе кипятком. Ноздри защекотал приятный аромат.

Можно ли угадать: сколько родится Слышащих Землю, Читающих Сны и так далее? Ответ: нет. Можно ли знать, что кто-то будет левшой, а у кого-то учудит рецессивный ген, и глаза вместо темных будут светлыми? Не бывает? Поверьте, в этом мире бывает все.

Подхватив чашку, я вышла на балкон. Недавно шлепнувшийся мальчишка уже забыл и думать о своей беде и лопал шоколадку. Три немолодых женщины о чем-то увлеченно разговаривали в беседке. За забором стояла машина с распахнутой дверцей. Доносились звуки какой-то летней песни.

Я задумчиво уставилась на крыши домов. Моря отсюда не видно, и слава богу. Итак, что следует сделать в ближайшие часы? Разузнать про тень. И попытаться еще раз нащупать след Далевой. Екатерина меня спугнула, но не будет же она круглосуточно ходить вокруг дома.

Я сделала глоток, приятный жар скользнул в желудок. Уж такая привычка — пить кипятком и в жару, и в холод. Грабар только у виска крутит.

Порыв неожиданно налетевшего знойного ветра заставил вздрогнуть. Показалось, что есть в нем что-то неправильное. Слишком живое и любопытное — желающее схватить в кольцо и сдавить изо всех сил.

Я чуть приподняла свободную руку и подставила ладонь под поток воздуха. Ветер тут же ослабел, пощекотал ладонь, словно извиняясь.

Я хмыкнула. Вот так-то. И тут же нахмурилась. Степь и море. Ну конечно. Эта мысль у меня уже была, но тогда так и проскользнула мимо. А ведь кому делать первый шаг, как не им?

Я опрокинула остатки кофе в себя. Из номера донесся звонок мобильного. Искренне озадаченная, кто бы это мог быть — ведь Олег так быстро не расшифрует, ему вообще лучше бы ночи дожждаться, — покинула балкон.

Взяв мобильник, я озадаченно уставилась на экран. Ни имени из телефонной книги, ни незнакомого номера. И заставка — не привычное здание художественного музея, которое я клацнула месяц назад, а мерно накатывавшие на берег зеленовато-голубые волны.

Сглотнув, я нажала кнопку вызова и поднесла трубку к уху.

Глава 3

Шепчущий с ветром

Сама, не понимая почему, вздрогнула, когда тихий шелест соленой воды затопил все вокруг. Смешался с ветром — голодным, злым, гуляющим по степи, а потом ухающим со всего разгону в море.

«Этого не может быть», — прошептала про себя, прекрасно зная, что может.

Кто-то со мной играет. Смотрит на реакцию. Смеется за тонкой гранью реальности.

Земля вдруг ушла из-под ног. Я вскрикнула, но голос утонул в насмешливом шелесте волн.

— Мы — вечность. Мы — время. Мы видели эти места, когда нога человека не ступала по этим берегам. Нам ли слушать вас, кто пришел на день?

Во рту пересохло, перед глазами все застлала непроницаемая мгла. В одно мгновение я потеряла возможность слышать и ощущать. Даже возникший внутри ужас не полностью почувствовался, оставшись словно за стеной из толстого стекла.

А потом вдруг ударило солнце. До боли, до слез. Заиграло живым серебром в голубой с прозеленью воде, приласкало мое лицо мягким жаром лучей. Ветер налетел, закружил желтый песок.

«Какой еще песок? — совсем не к месту мысленно изумилась я. — Ведь тут битый ракушняк».

— Смешные вы, чужие...

Сквозь танцующие песчинки я с трудом сумела различить фигуру сидящего человека. Ноги скрестил, руки поднял. Длинные пальцы вырисовывали в воздухе странные узоры. Откуда-то донесся звон колокольчиков и глухой стук барабанов.

Я засомневалась: человек ли?

Слишком плавные движения, слишком странно изгибается — уж скорее колышется на ветру, как степной ковыль.

Существо захватило песок одной рукой и тоненькой струйкой начало пересыпать в открытую ладонь. Ветер стих. Но золотисто-желтая песчаная пелена осталась. Внезапно я осознала, что мне крайне важно узнать, сколько времени будет пересыпаться песок. Ведь именно...

— Еще рано! — прошипел кто-то на ухо и с силой вытолкнул назад.

Мобильный обжег пальцы. Я невольно вскрикнула и выпустила трубку. Сделала несколько глубоких вдохов, чтобы прийти в себя. Голова гудела. Будто сквозь плотную пелену с улицы доносились детский смех и громкий говор взрослых.

Потерев лицо ладонями, пытаюсь стереть наваждение, я осмотрелась. Никакого и намека, что только что меня выбросило из реальности. Чайник, чашка, кровать, белые стены.

Кто-то определенно получает удовольствие от игры. С одной стороны — не привыкать, с другой — приятного мало.

Я бездумно устала на пол, на бежевый коврик. Внезапно вспомнилось, что едва я открыла глаза, сразу увидела рыбацкий крюк. Теперь его нигде не наблюдалось.

Обыскав всю комнату, я поняла, что от крюка и след простыл. Какое-то время покорив себя за нерасторопность и растерянность, ухватила полотенце и пошлепала в душ. Кожа покрылась испариной, а волосы тонкими прядями липли к шее. Ненавижу лето.

Прохладная вода привела в чувство. Загадочный перенос в другое место и время отошел на задний план. Ощущения, конечно, не из приятных, но, возможно, Грабар сумеет достать что-то ценное.

Быстро одевшись, я еще раз окинула взглядом номер. Почему-то появилось стойкое ощущение, что здесь находится кто-то еще. Прислушалась. Пропустила по телу земной ток, стараясь дотянуться до самой земли, на которой воздвигли здание.

Разочарование кольнуло острой иголкой. Ничего чужеродного и непонятного. Жаль. Дом удивленно отозвался тысячами шепотков: настороженными, любопытными, заинтересованными. Почуял чужачку. Но чужачку, способную говорить на его языке.

Я улыбнулась и мягко погладила сухую белую стену.

— Верю-верю, — прошептала еле слышно, посылая сквозь кончики пальцев энергию земли. — Не ты желаешь мне зла, не я тебе.

Дом словно шумно выдохнул и успокоился.

Однако прежде чем закрыть дверь и повернуть ключ в замке, еще раз внимательно оглядела номер. Что-то не так.

Бодро спустившись со второго этажа, я едва не столкнулась с давешними девчонками. Рыженькая знатно подрумянилась на солнце: от икр до кончика вздернутого носа, усыпанного золотыми веснушками. Брюнетка выглядела получше: то ли сидела в тени, то ли просто не становится угольком сразу. Она угрюмо поглядывала на подругу и тянула сумку и зонтик. Зонтик, кстати, выглядел весьма плачевно. Судя по всему, его все же сдуло в море.

— И не надо ничего говорить, — внезапно огорошила рыжая.

Я озадаченно проводила девчонок взглядом. Брюнетка прошла мимо меня, но потом обернулась и легонько пожалала плечами, мол, не берите в голову. Я с трудом удержала улыбку. Вот говоришь же, ан нет! Все надо сделать по-своему.

На этот раз дорога к морю показалась куда короче. Дом Далевой заведомо обошла стороной. Надо подождать до темноты, тогда можно и приближаться. Как раз и местность вокруг прощупаю — будет куда удобнее набрести на след Кристины. Детский — он легкий, серебристый, почти прозрачный. Душа человека уходит из бренного мира, а след остается. Но не слишком долго. Лучше всего искать в течение трех дней. Хорошо держится — до девяти. К сороковому дню после смерти истлевает до невидимой ниточки. Кое-какие отголоски могут оставаться и до года, но очень редко. А детский след вообще поймать нелегко — слишком мало ребенок провел времени на земле, вот и не держит его нисколечко.

Солнце медленно катилось к закату. Отдыхающих стало чуть меньше, но ненамного. Я остановилась возле бетонной стены, исписанной краской из баллончика, на приличном расстоянии от лениво накатывавших на горячий от дневного зноя берег. Море — это хорошо. Но не для меня.

Мимо прошли бабушка с дедушкой, ведущие за руки непоседу-внука. Внук бросил на меня любопытный взгляд и вприпрыжку поскакал дальше. Конечно, выглядит немного странно: все смеются, загорают, плещутся в волнах. Только я не вписываюсь в эту радужную картину. Не так внешне, как внутренне. Мой отдых остался в городе. Что бы там ни говорили, а город я люблю. Даже несмотря на то, что там Городовой...

Ветерок легонько пошевелил волосы, огладил предплечье, коснулся кисти. Я замерла. Знакомо. Значит, не ошиблась в своих выводах. Легонечко пристукнула каблуком по земле — пробежала едва ощутимая дрожь. Проходившая мимо рыжая собачонка недовольно тьякнула.

Ветер налетел снова. Окутал теплыми прозрачными объятьями, зашептал на тысячах

языков, убаюкал, как маленького ребенка. Стало почему-то уютно и немного щекотно. Я невольно рассмеялась.

— Какое чудо, — раздался за спиной чуть хрипловатый мужской голос. Тихо-тихо — не понять: где шепот ветра, а где — человека.

Слева возникла длинная тень. Солнце окрасило волны золотисто-красным. Показалось, что на мгновение удалось ощутить на своей щеке чье-то осторожное дыхание. Я медленно развернулась. И пораженно замерла, уставившись в пустоту перед собой. Никого. Захотелось протянуть руку и пощупать воздух. Понимая, насколько это будет глупо выглядеть со стороны, я все же воздержалась.

Тихий смех, раздавшийся у самого уха, заставил вздрогнуть.

— Чудо, — выдохнул невидимый собеседник. — Ничего не бойся — дождись тьмы. Я появлюсь.

Сердце бешено застучало. Меня нашел Шепчущий с ветром. Сам нашел. Это и радовало, и напрягало одновременно. Из всех чувствующих они самые неуловимые. Да и неудивительно, когда сам ветер в покровителях.

Цепочка следов выстроилась прямо передо мной.

— Пошли-и-и... — выдохнул ветер, рассмеялся нечеловечески, как сказочное существо, сошедшее со страниц незаконченного романа.

Что-то ухватило меня за запястье и уверенно потянуло куда-то вперед. Сердце испуганно екнуло, однако мне не дали опомниться, утягивая дальше. Только не по поросшей высохшей травой дорожке, а по воздуху. Сквозь время и... Я зажмурилась от нахлынувших на меня образов. Время и сознание...

Вокруг стоит запах яблок.

— Мама, смотри, какие ракушки! — звучит звонкий голос Кристины. — Я такие никогда не видела!

Солнце в зените. Мать подходит близко-близко. Смотрит на маленькие ладошки, на которых странно поблескивают вытянутые веретенообразные предметы. Она хмурится, убирает за ухо светлую прядь.

— Это не ракушки, — говорит глухо и забирает с руки дочери три серебристых веретенца.

Снова долго смотрит. Море накатывает на берег, целует ее босые ступни. Мать шепчет что-то одними губами — сухими, потрескавшимися. И опять всматривается, словно хочет в чем разобраться. А потом вдруг поднимает голову, щурится, глядя на раскаленное солнце. Сжимает руку так, будто хочет раздавить серебристые безделушки. И потрескавшиеся губы приоткрываются.

— Будь ты проклят, — шепчет она, и меня резко обжигает волна ненависти.

Размахивается и зашвыривает веретенца в воду. Три серебряных блика вспыхивают маленькими звездочками и падают в зеленоватые холодные волны. Откуда-то доносится странный гул, в котором слышится издевательский смех.

Кристина вздрагивает и хватается за белую юбку матери.

— Мама, что это?

Мама...

Я открыла глаза и шумно выдохнула. Черт, кажется, стою у самой кромки моря. Хорошо

меня потянуло. Посмотрела украдкой по сторонам — никто на меня не пялится. Это хорошо. Значит, Шепчущий сделал все красиво.

Море с шипением плеснуло на мои ноги, заставив вздрогнуть. Холодно. Я тут же сделала шаг назад. Кажется, короткое путешествие на побережье малой кровью не обойдется. Все так или иначе пытаются сунуть меня в воду.

Но выхода нет. Ждать, пока пылающий шар солнца скатится за горизонт — тогда можно посмотреть на моего неожиданного собеседника. Порой бывает, что, получив слишком серьезный дар, его сложно удержать в себе. И тогда начинаются... неприятности.

Я вздохнула, задумчиво глядя на воду. Ветер снова растрепал мои волосы, игриво дернул свободную футболку. Подожди, радость моя, еще чуть-чуть. Тогда и с хозяином твоим поговорю, и тебя приласкаю.

Я хорошо слышу землю. Не жалею. Не зря считаюсь одной из лучших специалисток в Херсоне... и во всем южном регионе. Потому Городовой и терпит меня. Впрочем, должок за ним тоже имеется...

— Скоро... — прошептали рядом. — Закат солнца — как конец жизни. Но там, где заканчивается одна, сразу же начинается другая.

Ветер заволновался, кинулся на волны, вспенил их белыми гребешками.

— Да ты мудрец, — лениво оборонила я.

— Да, я такой, — тут же согласились со мной. — Станешь тут мудрецом, когда рядом с тобой Трое и Сестра.

Сказанное заставило вздрогнуть. Этого я не ожидала.

— Когда Трое и Сестра пришли на эти земли, то все выглядело иначе. Уж неизвестно, почему остались именно они, потеснив остальных. У них миллионы лиц и голосов. Каждый знает неподвластное человеку. Встретить на своем пути кого-то из них — большая удача. Только не всегда она оборачивается добром.

Раньше я этих слов не понимала, да и сейчас не особо.

Звездное небо раскинулось над головой. По черному полотну рассыпались белые и золотистые искорки. И кажется, что раскинула бы руки и обняла все это небо, но небо смеется в ответ. Не зло так — по-доброму.

Южная ночь. Теплая.

Морская вода стала черной, легкий ветерок пробрался под одежду. Разведенный на берегу костер тихо потрескивал.

— ...и остались они здесь, разделив землю, — продолжил сидевший напротив сухощавый парень. Такие они...

Шепчущий с ветром оказался моложе, чем я предполагала. Худой, высокий, нескладный. В прямоугольных очках, в которых сейчас отражалось пламя костра. Светло-русые волосы были зачесаны назад. Клетчатая рубашка висела мешком.

Джинсы порваны, кеды — в пыли.

Стоило ему только отодвинуться назад, как очертания худого тела мигом растворились в ночи. Глядя на него, я понимала, что далеко не все знаю про игры энергии и нежелательные последствия. Вот Игорь, так он представился — Игорь Липа, переиграл. И физическое тело теперь днем не существует. Только ночью. Да и то — если ветер не слишком сильный.

Пришлось прилично побродить по берегу, чтобы отыскать укромное местечко и дожидаться темноты. Игорь не заставил себя ждать. Едва затрещали сухие ветки, как

Шепчущий с ветром вышел ко мне. Огонь — одна из сильнейших стихий, поэтому чтобы привлечь к себе Шепчущего как можно скорее, я решила подкрепить свой зов огнем. Еще ни разу не было такого, чтобы не срабатывало.

Только сидя сейчас на берегу и глядя в блеклые светло-голубые глаза за стеклами очков, я понимала: спешить нет смысла. Игра с энергетикой ветра забрала не только физическое тело, но и часть разума Игоря. Нет, не сделала его сумасшедшим, но явно... не от мира сего. Потому и не пыталась перебить его и поторопить с рассказом о Троиx и Сестре.

Движения Игоря были странно угловатыми, немножко неправильными, словно он привык к скорости ветра, а теперь не мог быть таким же легким и всепроникающим.

— Он выходит из моря, — глухо проговорил Игорь и глянул на меня.

В голубых глазах на мгновение исчезло все человеческое. У меня по спине пробежали мурашки, но я храбро выдержала этот взгляд. Хоть и пришлось затаить дыхание.

Игорь снял очки, потер узкую переносицу. Ветер закружился рядом, взъерошил русые волосы.

— Его не увидеть, — продолжил хриловатым голосом. — Ни ночью, ни днем. Однажды... рано-рано, почти на рассвете, мне удалось разглядеть на песке следы. Такие... неровные клеточки. Словно кто-то пытался поймать песок в сеть. А может, и воду...

Я прикрыла глаза, мысленно вспоминая слова Грабара. Сеть. И крюк. Отметины на телах жертвы. Есть кто-то, кто орудует этими вещами так, что не приснится и в страшном сне.

— Рядом были следы, — продолжил Игорь, и я вздрогнула.

— Следы? — тихо переспросила я. — Какие?

Но Шепчущий, кажется, меня не слышал. Смотрел куда-то в черную даль, глядя на впитавшую ночную тьму морскую воду.

— Они уходили туда. — Худая рука указала в сторону моря. — И скрывались там...

Да уж, очень радужная перспектива. Ветер ласковым котенком потерялся о мою руку. Легонечко пошевелив пальцами, я улыбнулась. Ветер порой лучше людей. Но земля — лучше ветра. Прости, малыш, я предана другой стихии.

Игорь сам посмотрел в указываемом направлении.

— Это не были человеческие ступни, — тихо и глухо сказал он. — Будто неформившаяся лапа какого-то существа из древних времен.

— Больше похоже на хвост? — попыталась я хоть немного конкретизировать слова Шепчущего.

Он медленно, будто серьезно раздумывая, кивнул. И тут же сказал:

— Но не совсем. Я никогда такого не видел.

Я глубоко вздохнула. А чертовщина-то творится совсем рядом. И будь проклят тот день, когда сюда сунулись Трое и Сестра. Поговаривают, что после их появления в каком-либо месте аномалии начинают сыпаться в таком количестве и с такой скоростью, что Городовые хватаются за головы.

— Нет, ты не думай, — внезапно хитро улыбнулся Игорь, и я поняла, что вся беседа только начинается. — Тут странного всегда хватало. Это вы живете далеко, землю слушаете и горя не знаете. Она же твердь, она же не предаст.

Сердце кольнуло обидой, но потом я криво усмехнулась. Что правда, то правда. Земля не предает. А море — неверное. Не успеешь что-то понять, а и понимать уже нечего — смыло волной, оставив во рту соленый привкус. И нет ничего: ни следа на песке, ни горсти земли в

руках. Ничего.

— Но с чего бы морю против своих ополчиться, — тихо произнес Игорь и как-то резко, даже дергано пожал плечами, словно отрицал собственные слова. — Не знаю. Неправильно это. Безобразия тут творятся не пойми отчего. И смерть маленькой девочки...

Он снова пожал плечами. Только ветер подхватил едва прошелестевшее: «непонятно-непонятно-непонятно». Я поежилась. Что-то нехорошее и неправильное здесь было. И, кажется, надежда на помощь не совсем оправдалась.

— А как смерть связана с Тремя и Сестрой?

Ветер замер. Игорь посмотрел на меня. Вдумчиво, странно, будто смотрел сквозь мое тело куда-то очень далеко.

— Они приходят, когда им вздумается. Их порядки — порядки хозяев. Недавно прошла тут царевна-лебедь, к морскому владыке ходила.

Я повела плечами, почему-то стало зябко и неуютно. Точнее, шло полное несоответствие: мягкого голоса, рассказывавшего на первый взгляд сказочную историю, и холода, идущего изнутри. Море слушало рассказ Шепчущего с ветром, тихо смеялось, давало возможность говорить. Но при этом я прекрасно понимала, что оно внимательно слушает и само решает: что мне следует знать, а что нет.

Упоминание о царевне-лебедь заставило меня нахмуриться. Вот уж не думала, что она может оказаться тут. Если к морю пришла.

Я разозлилась и шумно выдохнула. Так, все запутывается еще больше.

— Я только кое-что вижу, — произнес Игорь, сделал какое-то неуловимое движение длинными худыми пальцами.

Ветер кинулся в волны, зашумело рассерженно море, отвлеченное от нашей беседы шутником-вихрем.

— Тот, кто выходит из него. — Короткий кивок в сторону беснующихся волн. — Пришел издалека. Не только по расстоянию, но и по времени. Поэтому и ответа тут не найти.

Игорь медленно поднялся. Тонкие губы что-то шепнули — ветер вмиг стих. Поднял руку, но я перехватила угловатое запястье.

— Ты подарил мне видение. Днем. Что это было? С чем оно связано? Что знает Екатерина и почему она слала проклятия?

Спустя мгновение я поняла, что ничего не ощущаю. Светло-голубые глаза смотрели на меня с неопишуемой грустью и очень мягким упреком. Ветер коснулся моего лица, пошевелил волосы, выдохнул на ухо:

— Спроси у снов.

Игорь растаял, словно рисунок из серебристого песка на стекле. Мою ладонь обожгло холодом, как если бы только что ухватилась за металл, пробывший несколько часов на морозе.

Ветер засмеялся нечеловеческим голосом, с силой задул, загасив в один миг весело трещавший костер. Я едва успела прикрыть ладонями лицо, защищая глаза от песка и пыли.

— До встречи, Яна, — прошептал ветер с грустной интонацией Шепчущего.

Внутри появилась злость. Ну надо же. Развели, будто девчущку. В сердцах топнув ногой, я повернулась к морю. Ну, ничего, все равно я не отступлю. Пусть придется перелопатить все дно Азова. Достану.

Резко развернувшись, я пнула попавшийся на дороге камень и направилась в гостевой дом, решив по дороге завернуть к Далевой. Не в гости, разумеется. Когда в одиннадцать к

тебе в дом заявится незнакомка, вряд ли можно этому обрадоваться.

Пока я шла, появилось странное чувство, что кто-то непрестанно смотрит мне в спину. Замерла — ничего. То ли уже паранойя начинается, то ли и правда здесь что-то не так. Прислушалась. Только шелест листвы деревьев, и еще слышится плеск волн. Больше ничего. Даже отдыхающие не гуляют. Оно и ясно — в этой стороне пансионаты для детей, тут покой и природа. Никого и не пустят. Буянить не будут.

Я снова зашагала по дороге, пролегающей между спящими домиками с деревянными заборами и низенькими калитками. Где-то залилась тоскливым воем дворовая собака. Ей тут же ответили из соседних дворов.

Ощущение, что слезка продолжается, стало сильнее. Я послала слабенький импульс в землю. Он юркой змейкой скользнул назад. Тут же по моему телу прошла легкая вибрация, давая понять, что кто-то читает мои шаги и идет следом. Только идет почти невесомо, надолго останавливаясь и внимательно следя за своим энергетическим фоном.

Я про себя усмехнулась. На ловца и зверь бежит. Какая прелесть. Что ж, кажется, мои планы немного изменятся. Екатерина подождет. Ставить метки на доме в присутствии свидетеля я не стану.

Засвистев пришедший в голову мотивчик, я сунула руки в карманы и беспечно направилась в свой гостевой дом. Ветер все так же шелестел листвой. Собаки остались далеко за спиной. Но преследователь не оставался. Казалось, я слышу шорох, слышу хрипловатое дыхание, чувствую... легкий запах соли.

Показались ворота, и, скользнув во двор, я затаилась возле стены. На детской площадке никого не было. В окнах горел свет. Повезло, что отдыхающих здесь не так много и никто не смотрит на странную девицу, замершую каменной статуей.

Преследователь остановился. Потянуло сероводородом. Я глубоко вдохнула и задержала воздух. Голова, правда, все равно закружилась. Раздался глухой рык. Мой лоб покрылся холодным потом.

Земля под ногами приобрела приглушенно-красный цвет, будто я стояла на тлеющих углях. По венам пробежал жар.

Что-то с силой ударило по створке ворот. Металлический лязг заставил вздрогнуть. Следом послышался жалобный скрип замка. Я медленно подняла руку, но вовремя остановилась, услышав разочарованное рычание. Значит, не может войти. Это хорошо. Тогда можно себя не выдавать.

Вдруг длинный почерневший червь скользнул в щель между кирпичным забором и воротами. Я с трудом удержала вскрик. Спустя миг поняла, что это не червь, а отвратительно изогнутый коготь.

Время остановилось.

«Убирайся, убирайся», — твердила я, очень слабо представляя, что будет, если это существо все же сумеет пробраться во двор. Это не игрушки Городовых и прочей нечисти, тут живые люди.

Существо разочарованно выдохнуло — со странным свистом, словно не могло дышать обычным воздухом. А потом все стихло. Резко. Будто никогда не было.

Постояв еще немного, я поняла, что преследователь не собирается вламываться сюда. И, кажется, вовсе ушел. Хотя стоит еще немного подождать. Я бесшумно выдохнула.

И тут резко зазвонил мобильный.

Глава 4

Железный

Не сразу дошло, что это не у меня. Мгновенно накотившая паника и ужас резко схлынули. Повернув голову, я увидела, что возле дома мелькает красноватый огонек сигареты.

Послышался женский голос. На мгновение он показался знакомым. Как же я радовалась, что эта девушка сидит ко мне спиной!

Еще раз прислушавшись и поняв, что преследователь исчез, я направилась к дому. Проходя мимо говорившей по телефону, заметила, что это та брюнетка, которая с подругой приехала на отдых. Надо же, куда ни пойдешь — везде они. Совпадение?

Девушка кинула на меня задумчивый взгляд, но тут же перевела его, словно ее мало интересовали окружающие. Порадовавшись, что никто не будет задавать глупых вопросов, я быстро поднялась по лестнице и нырнула в коридор. Хватит приключений на сегодня.

Ключ в замке почему-то заело. Пришлось приложить немалые усилия, а заодно обругать работников гостиничного дома. В итоге дверь нехотя, но поддалась. Оказавшись в номере, я замерла. Так, вроде все по-прежнему. А то поди догадайся, какой сюрприз мне может преподнести местная нечисть.

Я попыталась позвонить Грабару, однако донеслось только монотонное: «К сожалению, на данный момент абонент не может принять ваш вызов». Вздохнув, положила телефон на стол. Что ж, если он засел за свои карты снов, то придется подождать. В этот момент он покидает цивилизованный мир и становится недоступен. Лучше не дергать. Сначала будут проблемы потусторонние, а потом уже вполне осязаемые — может и отшлепать. Читающие Сны, они порой такие трепетные натуры, что поделать...

Соорудив ужин из купленных продуктов и задумчиво пережевывая бутерброд, я все же потянулась к телефону снова. Возможно, в Интернет слили новости об убийствах. С полицией пока связываться не хотелось. Хоть у меня и много знакомых, но сначала нужны факты. Гадания на кофейной гуще никому не помогут.

Стоило свести в кучу все полученные данные. Но отключенный от мирской жизни Грабар серьезно усложнял дело. Во-первых, следовало выяснить, кто такой Игорь Липа. Разговор с Шепчущим с ветром — хорошо, но не лишним будет знать и всю подноготную. По идее тут мог бы помочь Городовой, но соваться к нему по собственному желанию?

Я передернула плечами. Б-р-р, извините, я не такая мазохистка.

Бутерброд закончился на удивление как-то быстро. М-да, а простимулировали аппетит гонки с непонятным существом. Пришлось повторить бутерброд и углубиться в изучение информации.

Найденное как-то совсем не радовало. Игорь Липа — фигура-призрак. Ни тебе аккаунтов в социальных сетях, ни каких-либо упоминаний на сайте Шепчущих. А ведь насколько мне известно, они ребята дружные. Правда...

Я откинулась на стену. Дружные-то дружные. Но бывают у них и изгои. Ветер иногда капризен, сворачивает своим избранникам мозги набекрень так, что потом ничем не поможешь. Кажется, все куда серьезнее, чем я думала.

Я прикрыла глаза. Сытый желудок как-то не способствовал размышлениям. Куда больше клонило в сон. На улице стало заметно прохладнее, и после полуденного раскаленного зноя,

когда бродишь сонной мухой, казалось, что я попала в рай.

Положив телефон на пол, вытянулась на кровати. Так, сейчас, еще чуть-чуть, и лягу нормально. Нельзя бросать на полпути. Видение, которое мне подкинул Игорь, нужно осмыслить. Странные предметы, которые Екатерина зашвырнула в море... Хм, на что они похожи?

И тут же сама себе ответила — на веретенца. Только очень маленькие, словно кто-то сделал кукольную прялку, да еще из серебра.

Ветер шумел в вершинах деревьев. В номер доносился запах ночной свежести, аромат скошенной травы, и... я сама не заметила, как заснула.

...Море шумело совсем рядом. Несколько шагов — и можно намочить босые ступни. Солнце мягко пригревало — утреннее, мягкое, ласковое. Еще не вошедшее во вкус дневного зноя. Рядом громко крикнула чайка.

Сквозь подстилку я чувствовала спиной неровность ракушнякового берега и мелкие камешки. Но дискомфорта не было. Так бы и лежала вечность, закинув руки за голову и не открывая глаз. А еще я прекрасно знала: здесь никого нет. Только я. Небо. Солнце. Угрюмое море, совсем еще не проснувшееся. Вон как шумит!

Губы почему-то сами растянулись в улыбке. Как хорошо. Лежать бы вечность. И знать — никто не нарушит покой. Все будет хорошо, все...

— Упря-я-ямица, — неожиданно прошелестело море.

Гладкие, как вода, и чуть прохладные пальцы коснулись моей скулы, провели по щеке. Внутри стало на миг горячо-горячо. Но тут же все исчезло. Где-то на краю сознания мелькнул страх, внутри все сжалось. Миг — лучи солнца снова пригревали, шелест волн вновь стал морским, беззаботным. Только крики чаек и шум ветра.

Открывать глаза совершенно не хотелось. Меня окутало какое-то странное чувство покоя и неги. Не хотелось даже шевелиться. И не было страха. Какое-то странное умиротворение накрыло с ног до головы.

Широкие ладони огладили мою грудь, спустились к животу. Замерли. По телу пробежала дрожь. Я шумно выдохнула. Почему-то казалось, что это все правильно. Что так и надо... Какой странный сон.

— Скучаешь? — выдохнул хриплый голос.

Соль, море, ветер. Сухие губы скользнули по моей щеке, гибкие пальцы вплелись в волосы. Я шумно выдохнула, набрала воздуха, чтобы произнести слово, и тут же мой рот зажала пахнувшая морем ладонь.

— Тш-ш-ш, не надо.

Я дернулась, однако он ловко перехватил мои руки и пригвоздил одним ленивым движением — прямо над головой. А потом на глаза легла мягкая прохладная материя. Стало не по себе. Одновременно захлестнули страх и желание. Я попыталась сбросить материю, но она словно приросла к коже. Я похолодела.

— Не бойся, — короткий выдох на ухо.

Пальцы очертили линию носа, обвели контур губ, надавили, заставляя приоткрыть рот. Он прижался ко мне, не давая сдвинуться. Я коснулась языком кончиков со странно заостренными ногтями. Снова накатила волна ужаса, другая рука внезапно скользнула к моему паху. Все мысли перепутались. Только сейчас я осознала, что нет даже клочка одежды.

Сухие губы прижались к моим. Дыхание замерло. Голова закружилась, стон утонул прямо в целующих губах. Во рту мгновенно пересохло, меня бросило в жар. Я дернулась,

пытаясь высвободить руки, но ничего не вышло.

Гибкие пальцы провели линию по низу моего живота. Я замерла, не понимая, что делать.

— Тш-ш-ш-ш.

Мою шею и плечи защекотали чьи-то пахнувшие солью и солнцем волосы. Он отпустил мои руки, однако они странно занемели, и все попытки двинуться терпели неудачу. Его руки огладили мои бока, сжали бедра. Горячее дыхание заставило поежиться. Я закусила губу, чтобы не произнести ни слова.

— Согни ноги.

Прозвучало как приказ. Тут же плеснула внутри злость.

— Да иди ты...

Он коротко рыкнул и резко согнул мои ноги в коленях. Развел, с силой удерживая и не давая свести назад.

— Пойду, — прошептал он на ухо, заставив вздрогнуть и потеряться в голодном злом шуме штормящего моря. Которое нахлынет один раз — и унесет с собой в пучину все, что встретит на пути. И не вырваться потом никогда.

Воздух застрял в легких. Тело охватил жар. Ладони выглаживали внутреннюю часть мои бедер, а дыхание и прикосновения губ заставляли кусать губы.

А потом стало безумно горячо. Я даже не понимала, что происходит на самом деле, а что нет. Жар солнца — невыносим. Или же это просто от умелых ласк? Но чьих?

Волна наслаждения заставила выгнуться. Меня сжали так, что с губ сорвался жалобный стон. Солнце стало невыносимым — так жарко, так безумно хорошо.

— Смеш-ш-шная, — прошелестело море с едва уловимой насмешкой. Но какой-то доброй, совсем непонятной. И в то же время близкой, ясной. Было что-то такое, отчего хотелось расслабиться, успокоиться, забыть обо всем на свете...

Я стиснула зубы. Ну, нет. Хотя...

Я вскрикнула. Морские волны хлынули на берег, скрывая нас, заставляя выгнуться в безумно ярком оргазме. Удовольствие смешалось со странной горечью на губах. Морская вода горька и солоня, да. А руки, скользящие по моему телу, — сильны и уверенны. Только кажется, что острые когти впиваются в кожу. И как-то странно, что можно дышать под водой.

Волны откатились назад, он слизнул кровь с прокушенных губ.

— Моя... — хриплый выдох. А потом настолько крепко стиснул, что я испугалась, что меня сейчас раздавят. Правда... пусть. По телу разлилось блаженное тепло, и хотелось глупо и счастливо улыбаться. Какое странное чувство.

Словно услышав мои мысли, он чуть ослабил объятия. А потом, не говоря ни слова, подхватил на руки и куда-то понес.

— Что? — хрипло шепнула я непослушными губами. — Куда?

И хоть по-прежнему глаз было не открыть, показалось, что вижу его улыбку. Точнее, не вижу — чувствую.

— В море, — шепнул он. И в голосе было столько необъяснимой нежности, что на миг сердце сжалось.

А потом он коснулся моего лица. Пальцы потянули за край материи. Я невольно задержала дыхание...

Рука адски заныла. С трудом привстав на кровати, я поняла, что заснула в чертовски

неудобной позе. И даже не разделась. Ахгунг. Осмотрелась. Все на месте — я в номере, мобильник так и остался на полу.

С балкона доносилось громкое чириканье. Точнее, не совсем чириканье — явно не воробей. Звонко и как-то очень мелодично. Ну и сны. Тьфу. То-то поехидничает сегодня Олег.

Я встала с кровати, и тут же повело так, что чудом успела ухватиться за быльце кровати. Так-так, а это еще что такое? Мышцы странно тянуло, а голова была как чугунная. Вновь вспомнился сон. На миг меня бросило в холодный пот. Ну, нет... не может быть.

Немного придя в себя, подхватила полотенце и направилась в душ.

То, что бойлер еще не нагрелся, было меньшей из неприятностей. В конце концов, холодная вода хорошо бодрит. Но когда я увидела на коже царапины и засосы — сглотнула. И отчетливо поняла, что так просто из этого дела я не выкарабкаюсь.

Повернула кран, тут же зашипела пошедшая из душа вода.

Да. У меня определенно проблемы. Большие.

Рудольф Валерьевич Железный пил мятный чай с шестью ложками сахара. Закусывал розовым свежим зефиром и маленькими круглыми печеньками с шоколадом. При этом курил тоненькую коричневую сигаретку с ванильным ароматом.

— Бери, Олежек, не стесняйся, — сказал он и подвинул гостю пиалу с кокетливой розовой каемочкой, заполненную сладостями.

Грабар осторожно глянул на нее и медленно покачал головой.

— Что вы, Рудольф Валерьевич. Я даже кофе без сахара пью.

— Зря, — ухмыльнулся Железный, затянулся и выдохнул ванильный дым. Сверкнула белозубая улыбка, в ореховых глазах мелькнули бронзовые искорки. — Сахар — топливо для мозга.

— Мой вроде не жалуется, — задумчиво произнес Грабар, делая глоток свежесваренного кофе и обводя взглядом жилище провидца.

Да уж. Все тут будто пришло из прошлого века. Хотя бы эти ковры с густым ворсом в коричнево-бордовых тонах. Ими завешаны стены, только узенькая полоска кремовых обоев видна возле наличника. Словно бы голые стены удручали Железного. Большой шкаф со стеклянными полками и дверцами. За дверцами — статуэтки. Белые-белые, настоящий китайский фарфор, с золотой окантовкой. Грустные балерины, задорные нимфы, олени с ветвистыми рогами, цирковые слоники с мячами и зонтиками. А еще хрусталь. Удивительно красивые и бесполезные вещицы.

Рядом — не менее внушительный шкаф. Красно-коричневый, почти в тон коврам. В шкафу — книги. Так много, что глаза разбегаются. В кожаных переплетах, с потертыми корешками и совсем новенькие, глянцево поблескивавшие при свете желтых ламп. Люстра у Железного, кстати, тоже хрустальная. Олег даже предположить не мог, сколько это великолепие может стоить. Пожалуй, если б можно было, то и на ней были бы книги. Они у провидца везде. Одна даже лежала на столе, рядом с вазочкой с мармеладом.

— Рудольф Валерьевич, я к вам по делу, — наконец-то произнес Грабар.

Железный улыбнулся совершенно очаровательной улыбкой чеширского кота. Только не заграничного, а местного — ленивого и рыжего. Вроде милого, но все же опасного хищника, который только делает вид, что нежится на хозяйской перине.

— Я знаю, — ровным голосом произнес он, убрал за ухо русую с проседью прядь и поправил прямоугольные очки в тоненькой золотистой оправе.

Провидец хоть и не носил длинных волос, но и короткой стрижкой эту прическу назвать было сложновато. Весь Рудольф был сплошным противоречием. Худой, что ветер сдует и не заметит, но поглощающий сладости в таких количествах, что обзавидуются орда детишек. Педант и перфекционист в доме и на работе, но известный разгильдяй, когда дело касается правил провидения. Он их нарушал не потому, что они ему чем-то не нравились, а потому, что вообще забывал про их существование.

Под внимательным взглядом Железного Грабар почувствовал себя неудобно. Срочно захотелось встать и закурить. А еще походить туда-сюда по комнате, чтобы избавиться от напряжения. Однако присутствие Железного не давало вести себя как захочется. Поэтому приходилось сидеть недвижимой статуей и внимательно смотреть на собеседника.

Тот даже не думал торопиться. Все так же курил и пил чай. Щурился при свете желтых ламп, прислушивался к звукам, доносившимся с улицы.

Железный жил ближе к центру города, в здании, некогда гордо носившем звание гостиницы «Европейской», в девятнадцатом веке бывшей одной из лучших гостиниц на юге Российской империи. Окна его квартиры выходили прямо на улицу, где проносились машины и автобусы. Поэтому тишины здесь никогда не было. Даже ночью кто-то умудрялся проехать, нарушив ночной покой засыпающих улиц.

— Твоя Слышащая Землю серьезно вляпалась, — неожиданно произнес Рудольф, глядя на тлеющий кончик темно-коричневой сигареты. — Ей заинтересовались раньше, чем она выехала из Херсона.

Грабар насторожился. Он это знал. Сны Яны были слишком красочными и болезненными, чтобы не понять этого. Искренне хотелось надеяться, что все испытанные неприятные ощущения оставались в пережитых кошмарах, а хлопоты яви вытесняли их подальше.

— Кому она нужна?

Железный взял круглую печеньку, задумчиво повертел ее в пальцах, словно гривневую монету.

— Правильно спрашиваешь, Олежек. Именно нужна. Убийства — это только действия. Действия...

Ванильный дым вновь защекотал ноздри Грабара. Он глубоко вздохнул, про себя ругая провидца последними словами. Ну давай же, говори! Сколько можно издеваться? Железный бросил на него хитрый взгляд, и Грабар понял, что просто проверяют его выдержку. Скрипнув зубами, он поинтересовался ровным тоном, почти без эмоций:

— Какие?

— Действия убийцы — отдельно, жажда того, кто выходит из моря, — отдельно. Как ни крути, но Колесник слишком хороша в своем деле. И крепкий орешек. Ее хотят расколоть.

— А не пойти бы им? — вежливо поинтересовался Грабар, судорожно соображая, как вытрясти из провидца знания. Ведь добром же точно не скажет.

— Пойдут, — кивнул Железный, — только и Яна вместе с ними.

Грабар метнул на него злой взгляд:

— Не рано ли вы ее... хороните?

Железный театрально приподнял руки, но потом аккуратно сбил пепел в пепельницу из змеевика и затушил сигарету. Грабар только поморщился, глядя на это чистоплюйство.

— Упаси Трое и Сестра ее хоронить. Колесник — очень сильная. Город ее любит, земля слушается, крепко держит и никогда не уйдет из-под ног. — На его тонких губах появилась

странная улыбка. — Но и, согласишься, у нее много страхов. И чтобы их побороть — надо постараться.

При упоминании о городе Грабар скривился.

— Расскажите это некоему Даниле Александровичу, который каждый раз старается подстроить ей гадость. Да и что, не знаем мы, что ли, что Ромку он специально спрятал?

Железный приложил длинный гибкий палец к губам, призывая к молчанию.

Повисла странная тишина.

Из спальни, важно цокая коготками по паркету, вышел громадный серый котиче. Посмотрел на гостя желтыми глазищами, перевел недоуменный взгляд на хозяина, мол, это что такое на моем стуле сидит?

— Босенька не очень любит людей, — сказал вдруг Железный. — Такой характер. Меня еще туда-сюда, а гостей — прям ужас какой-то. Но ты, Олежек, не бойся. Он человечинной не питается.

Кот тем временем в упор смотрел на Грабара, и тот чувствовал себя крайне неловко. Почему-то казалось, что котяра сейчас превратится в огромное чудовище и за милую душу поужинает Читающим Сны.

— А выглядит так... — начал Грабар, однако Бося демонстративно отвернулся и принялся сосредоточенно драть ножку дивана. На что, к немалому удивлению, Железный никак не отреагировал.

— Так вот, Олежек, — вновь заговорил Рудольф. — Городовой порой не объясняет своих действий, но ничего не делает просто так. Поверь, так надо. Все неспроста. Я не могу сказать прямо, но поверь — Рома в надежных руках.

Грабар про себя выругался и попытался успокоиться. Да уж, в надежных. Они все просто не знают, каково это: каждый день видеть напарницу, которая уже потеряла всякую надежду и постоянно смотрела с такой тоской в глазах, что становилось больно. Раньше было вообще жутко: Грабар не знал, выкарабкается ли Яна, но она сумела. Да.

— Ну что ж... Рудольф Валерьевич, посоветуйте. Что делать, чтобы не наломать дров?

Железный внезапно посерьезнел. Допил чай, шикнул на кота, и серое чудовище вдруг мгновенно послушалось.

— Советую не брыкаться, а постараться прислушаться. Чем больше Яна будет сопротивляться тому, что должно случиться, тем больнее будет. Сейчас ей кажется, что враг подошел слишком близко и надо действовать. Однако стоит еще раз внимательнее присмотреться: враг ли? Возле нее кружат две сущности. Надо сделать правильный выбор.

И тут же улыбнулся так, что у Грабара похолодело все внутри. Чертов провидец. Сколько ему лет? Хоть и выглядит, как престарелый пижон, но явно же по глазам видно — мудрость, сила, холод, от которого все сворачивается жгутом и хочется сорваться и сбежать подальше.

— С-спасибо, Рудольф Валерьевич, — прошипел Грабар, с трудом выдавливая улыбку и стараясь выглядеть вежливым, но получалось с трудом.

— На здоровье, — улыбнулся Железный, и снова захотелось исчезнуть. — Кушай — не обляпайся.

На слове «кушай» Бося шевельнул ушами и внимательно посмотрел на хозяина. Время еды — священо, время гостей — прошло. Поняв, что больше ему ничего не скажут, Грабар распрощался с Железным и покинул квартиру провидца.

Ночь выдалась неожиданно прохладной. Но, может, просто после сладкой и теплой комнаты ночной ветерок казался слишком резким, заставляя кожу покрываться мурашками.

Вдохнув полной грудью, Грабар принялся подниматься от гостиницы на улицу Суворова. Несмотря на ночное время, здесь еще гуляли люди. Возле салона с работами местных художников и мастеров прикладных искусств стояло фортепиано. С табличкой: «Уличное пианино». Крышка, покрытая темным лаком, была открыта. Клавиши словно нажимали невидимые пальцы. Тихая мелодия навевала покой и умиротворение. Жители считали, что инструмент вывез какой-то чудак-благодетель, но Грабар знал, что это дело рук Настройщика Душ. Любит он это дело — открытое пространство, небо над головой, музыка и тысячи струн-душ, которые надо там подтянуть, там подкрутить, там заставить звучать громче.

Грабар шутливо козырнул, проходя мимо фортепиано. Ответом стал резкий аккорд, и вновь мелодия полилась тихо и нежно. Он закурил — взотяжку, с наслаждением, выгоняя сладостный дурман квартиры провидца. Глянул на летнюю площадку возле кафе «Ланда» и только хмыкнул. Нет дремлющего днем каменного льва у клумбы. Значит, Городовой делает с ним свой еженощный обход. Ну-ну, давай, Городовой. Встретаться с тобой в такую ночь совсем не хочется.

Грабар сунул руку в карман джинсов и вынул телефон. Нахмурился, пытаясь вспомнить, когда и зачем выключил его. Вроде же не было такого. К тому же в любой момент могла позвонить Яна. Странно.

Включив телефон, он тут же услышал пиликанье пришедшей эсэмэски. Точно, интуиция не подвела — пропущенный от Колесник. Грабар глянул на часы — без чего-то два. Не лучшее время для звонков. Да и для прогулок по городу тоже. Решив, что позвонит утром, он все же никак не мог сунуть трубку обратно в карман. Какое-то странное чувство, что происходит что-то очень нехорошее, не покидало его.

Неожиданно на плечо легла чья-то холодная ладонь.

Глава 5

Меотская прялка

Едва я приняла душ, тут же закрыла номер и отправилась в Счастливецво. Пока не так жарко, стоит посмотреть на место убийства старика.

Во дворе были люди. Кто завтракал в беседке, кто играл с весело хохотавшими детьми. Хозяйка гостиничного дома задумчиво рассматривала оставшуюся на воротах длинную царапину.

— Откуда это еще? — пробормотала она, когда я проходила мимо. И тут же: — Доброе утро!

— Доброе, — кивнула я, не останавливаясь.

Вот как выходит. Кто-то здесь ходит с далеко не благими намерениями. Вспомнив коготь преследовавшего меня существа, я почувствовала, как сердце подскочило к горлу. Так, спокойно, вдох-выдох. Сейчас не думать об этом. Паника ничему не поможет, только все испортит.

Я шла по улице, не замечая никого вокруг. А Стрелковое жило своей жизнью: сельчане работали в огородах, развешивали постиранное белье, покрикивали на шаливших детей. Стайка птиц расселась на ветвях деревьев и галдела на всю округу.

Меня беспокоило, что Грабар так и не перезвонил. Вообще-то он не оболтус, поэтому такое поведение несколько настораживало. Мысли были самыми разными. От: случилось что-то нехорошее до... все-таки случилось что-то очень нехорошее. На фоне всего этого красным тревожным молоточком билось банальное переживание за Нешку. Он, конечно, кот самостоятельный, но мог уже все слопать, если Грабар куда-то влип и не заходит в мою квартиру.

Решив, что маюсь глупостью, просто снова набрала номер напарника. Ни ответа, ни привета — только бесконечно длинные гудки. Может, и впрямь все бросить здесь и рвануть в Херсон? В конце концов, убитых не вернуть, а вот живым еще помочь можно.

Я глубоко вздохнула, ругая себя последними словами за панику. Пока рано. Могло случиться что угодно: вплоть до приезда любимой грабаровской тетушки из Одессы. А тетушка — это всегда тяжелая артиллерия, поэтому еще вопрос, кому хуже: мне или ему.

Дорога в Счастливецво не заняла даже получаса. Так бы везде. Вскоре появились синенькие таблички, обведенные белой рамочкой: «Соленые озера. Вход — 3 гривны». Честно оплатив билет на законное проникновение на территорию местной достопримечательности (хотя, по сути, можно было бы подойти к озеру и бесплатно), я приложила руку козырьком к глазам и посмотрела на противоположный берег.

В село успею, но и озера следует изучить. Если уж кто и завелся тут нечистый, то лучше места и не сыскать. Но с виду было все как обычно. Возле озера стояли машины. Белокожие туристы спешно стягивали с себя одежду, чтобы окунуться в лечебные воды. Рядом прохаживались пышнотелые красотики в купальниках, обмазанные серой и черной субстанцией, которая в теории лечила от всяких болезней.

На меня косо глянули. Я хмыкнула. Давайте, барышни, топайте к лотку со свежими пирожками и булочками. Меня здесь нет.

Подойдя к озеру, я присела и опустила руки в воду. Пустила тоненькую энергетическую сеть на дно. Ладони тут же почти физически вытолкнуло. Так-так. Здесь кто-то живет и не

очень любит Слышащих Землю. Или мне так показалось?

Руки быстро высохли. К моему удивлению, на коже остались маленькие крупинки соли. Вот это да! Местное мертвое море. Почти. Оглянувшись, я поняла, что не зря тут стоят душевые с пресной водой. Ибо если окунешься, а потом еще и на солнышке побродишь — станешь мумией.

Мимо меня пронесся малыш в панамке и бирюзовых плавках, щедро обдав брызгами. Я едва успела встать, однако окатило меня неплохо.

«Что ж, приеду в Херсон, Грабар смело сможет закусывать, как рыбой к пиву», — мелькнула не особо веселая мысль.

Я легонько притопнула, посылая по выжженной земле поисковый импульс. Миг — мутно-зеленая вода зашипела. Вскрикнула полная женщина, нежившаяся в прогретых солнцем волнах. Ничего страшного, все равно не поймет, подумает, что природное джакузи.

Сразу ничего не было — только залиvistый хохот плескавшихся неподалеку девчонок. Но спустя полминуты по земле прошла слабая вибрация. Житель озера слал ответный удар. Но слишком слабый, чтобы что-то разобрать.

Я нахмурилась. Возможно, это ночное существо, поэтому беспокоить сейчас его глупо. Мигом накатила волна расстройства. В принципе можно было бы что-то узнать, но не вышло.

Обойдя озеро и прислушиваясь к шепоту земли, я только тяжело вздохнула. Ловить нечего, надо сюда прийти ночью. Неожиданно задул ветер, обжег горячим дыханием, зашевелил волосы.

— Не торопис-сь, — донесся из ниоткуда голос Игоря.

Я невольно вздрогнула. Шепчущий с ветром следит за мной. Все страньше и страньше, как говаривала Алиса из известного произведения.

Желудок внезапно заурчал, и я вспомнила, что с утра не ела. Купила на лотке пирожок, который можно было есть половину дня (по размеру) и не беспокоиться об опустошении кошелька (по цене). Краем глаза заметила белый вагончик с окошками с аккуратными шторочками в розовый цветочек. Рядом стоял стенд, достигавший мне пояса. На нем были изображены пчелы и надпись, гласившая: «Лечебный сон на ульях».

Я невольно хмыкнула. Кажется, многое про сон мне неизвестно. Пирожок, кстати, был с абрикосами. Внезапно очень свежий, горячий и безумно вкусный. Я даже удивилась: и когда успела такой аппетит нагулять? Обычно в жару есть не хочется.

Озеро пришлось покинуть ни с чем. Однако я уже четко решила, что обязательно наведаюсь сюда на обратном пути. Если уж есть возможность вытрясти информацию из местных обитателей, то этот шанс ни за что нельзя упускать.

...Дом Егора Васильевича Капраря, сторожа дач и пенсионера, находился в центре села. С ним, к сожалению, было сложнее, чем с Кристиной. Там был медальон, принадлежавший девочке. Тут — ничего.

О Капраре информации были вообще крохи. То, что нарыл Грабар, особо на подвиги не вдохновляло. Старик жил скромно, прикармливал бродячих котов и собак. Хозяйство имел скудненькое — маленький участок земли и живность в количестве трех печальных куриц. Впрочем, возможно, они были вовсе не печальными, но впечатление создалось именно такое. Как-то уныло очень они ходили по двору.

Дом был закрыт, однако запустения не чувствовалось. Олег поведал, что Капрарь был

человеком тихим, скромным. Не скандалил, вел себя прилично, дружил с соседями. В Счастливецеве обитал сам, дети уехали в Винницу. Поэтому когда мужчину нашли в собственном доме с рваными ранами, словно кто-то бил его острым крюком, а потом пытался протянуть его сквозь живую плоть, никто не мог поверить. Конечно, детали знали немногие, но слухи удивительным образом расползлись с невероятной скоростью.

Потоптавшись возле зеленой калитки с пошкарлупившейся краской, я тихонько пустила через землю энергетическую нить. Прямо к дому. Хорошо, что сейчас хозяев нет. Ведь явно чувствуется человеческое присутствие: то ли дети вернулись, то ли временно кто-то из соседей приглядывает за жилищем.

Дом отозвался: немного удивленно, но с затаенной радостью. Ведь когда умирает хозяин, то и дом погружается в траур, скорбя вместе со всеми. А порой и сильнее остальных. Поэтому, почуяв прикосновение Слышащей, способной говорить со стенами, немного отбросил тень горя.

Развернувшаяся перед глазами картина заставила замереть на месте. Плотным облаком окутали запахи и образы. Звуки слились в один нескончаемый поток. Да так громко, что захотелось закрыть уши.

Дом изо всех сил пытался мне показать, что было, но какой-то барьер упрямо мешал это сделать. Мне удалось лишь уловить смутную картинку: ночь, свет уличного фонаря, лай собаки.

— Кто там? — хриплый старческий голос, кажется, исходил из моего горла, хоть губы и оставались неподвижными.

В ответ — странный шорох и протяжный скрип.

— Ну, я тебе сейчас! — пригрозил Капрарь. — Милицию вызову!

Колено прошила боль. Старость — не радость.

Мое сердце забилося, как сумасшедшее. И хоть сам старик был скорее раздражен, чем испуган, у меня на лбу выступил холодный пот. Что-то мерзкое и невыносимо чуждое вдруг коснулось ноги.

А потом в спину ударили чем-то тупым и тяжелым. Вспышка боли, крик и...

Меня вдруг окатила странная вязкая волна, не давая дышать. Перед глазами все поплыло.

— Я же сказал — не лезь! — кто-то рявкнул мне на ухо и залепил такую оплеуху, что в голове зазвенело.

Картинка со двором Капраря резко пропала. Я ухватила рукой за забор. Колени мерзко подгибались. Да что ж это такое? Кто мешает мне добраться до разгадки?

Я быстро осмотрелась по сторонам. Слава богу, никого рядом нет. Шумно втянула воздух и приложила пальцы к вискам, пытаюсь унять резко возникшую пульсирующую боль.

Голос. Голос был знакомым. Кажется, он принадлежал тому же существу, что появилось у меня в квартире незваным гостем. Только сейчас я разобрала, что в воздухе повис едва уловимый запах соли.

Еще раз посмотрев на дом Капраря, я отчаянно выругалась про себя. Невыносимо — иметь возможность разобраться и не иметь сил это сделать, потому что кто-то против.

В ладонь впилось что-то острое. Поморщившись, я потеряла ее, но занозы не разглядела. Да уж. Придется возвращаться с носом. Надежда только на ночную беседу с жителем озера. Тот явно знает, кто может выбираться из моря и бродить по близлежащей к озеру территории.

Дорога назад заняла почему-то больше времени, чем в Счастливецеве. За это время я успела еще раз проголодаться, обозлиться на весь мир и неудачно позвонить Олегу. Трубку он

взял, буркнул что-то нечленораздельное и сообщил, что перезвонит.

Весь путь пришлось тупо смотреть в окно и стараться не думать о жаре. Скорее в номер. Там можно собраться с мыслями и выстроить план действий на вечер. Расследование заходило в тупик, и это откровенно бесило.

Прибыв к гостиничному дому, я на минуту задержалась у ворот, рассматривая царапину. Да уж, глубокая. Видимо, на озере чем-то все же оцарапалась, но заметила только сейчас. Покачав головой, я вошла во двор. Не успела сделать и пару шагов, как увидела хозяйку. Она махнула рукой.

— Яна, подождите.

Не успев даже толком удивиться, я увидела, как она оказалась рядом и сунула мне в руки небольшой бумажный сверток.

— Это вам тут передала женщина.

Кто? Женщина?

— Она была молодая или старая? — попыталась уточнить я, судорожно соображая, кто мне тут может что-то передавать.

Хозяйка хмыкнула:

— Да ничего так. Ближе к молодым. Ирой представилась.

Дальше поговорить не удалось, потому что ее позвали со второго этажа. Поэтому, только улыбнувшись, хозяйка оставила меня в гордом одиночестве.

Я нахмурилась и взвесила в руке сверток. Неясно. Что-то легкое. Хм, странно.

Поднявшись к себе в номер, первым делом попыталась прощупать энергетический контур. Мало ли, какой подарок тут могли принести. Да и ни с какой Ирой за эти два дня я не познакомилась.

Ладони легонечко толкнуло, пальцы защекотало, на миг заморозило — словно я коснулась металла, пролежавшего на морозе. Хм. Отголосок чего-то есть, но явно не проклятие. Что-то ускользающее, почти не ощущаемое.

Наплевав на все меры предосторожности, я развернула бумагу и... молча уставилась на три серебряных веретена. Вытянутых, гладеньких, как будто их только что сделали. Присмотревшись, я поняла, что на них есть какие-то символы. Кружочки, черточки, зигзаги и что-то еще. Жаль, настолько мелко, что ничего не разобрать.

Положив сверток на стол, я быстро соорудила скудный обед из остатков продуктов. Что ни день, то загадка. После приема пищи и чашки кофе мозги заработали лучше. Вспомнились видения, которые любезно мне подсунул Игорь. Далевы на берегу и поблескивавшие серебром веретенца, летевшие прямо в море.

Закрыв дверь на ключ, я присела возле странной «посылки». Что ж, если так ответа нет, то попробуем по-другому. Враждебности от предмета все равно не чувствую, так что не стоит затягивать.

Я забралась на кровать, уселась по-турецки. Глубоко вдохнула и прикрыла глаза. С улицы доносились женский смех и мужской говор. Пели птицы. Шумел ветер.

Покой. Вдох и выдох. Забыть обо всем. Солнце, люди, обычная жизнь — далеко. Меня здесь нет. Не было. Никогда.

Внутри стала сворачиваться тонкая теплая спираль. Энергия шла снизу, медленно проникая в кровь. Когда я держала медальон Кристины, то все было куда проще — не было нужды ставить блоки. Теперь же лучше себя обезопасить. Кто знает, что там может быть припрятано. Потому и концентрация не та, что раньше. И надо использовать все навыки,

которые годами обретала в медитациях и работе с энергетикой земли.

Серебряные веретена медленно поднялись в воздух. И вдруг быстро-быстро закрутились вокруг своей оси. Маленькие символы живыми кляксами плеснули в пространство, заливая его непроглядной тьмой.

Миг — я потеряла опору. Энергия внутри взорвалась, словно сверхновая звезда, обдала нестерпимым жаром. В ушах зашумело, а во рту появился привкус крови. Я потеряла ориентацию, тело мгновенно стало легким, как пушинка.

Изумленно выдохнув, я всмотрелась во тьму и вдруг поняла, что снова нахожусь на морском берегу. Только не в Стрелковом. И берег другой, и шатры какие-то стоят, и голоса доносятся. Хотя... Внезапно дошло, что шатры — всего лишь мираж. Ничего и никого нет.

В нескольких шагах вдруг появилась фигура. Вся смазанная, будто бы кто-то рисовал акварелью, а потом еще и водой сбрызнул на неудавшуюся картину. Но у меня почему-то возникла четкая ассоциация, что я вижу женщину за прялкой. И крутится серебряное колесо, а в нереально длинной руке — веретено.

И слышится песня на незнакомом языке. Такая мягкая и тягучая. Но будто нечеловеческим голосом спетая. И в то же время полная энергии и неиссякаемой уверенности. Я нахмурилась, понимая, что не в состоянии собрать мысли в кучу.

— Не ходи вокруг да около, — неожиданно прошелестел, смешиваясь с шумом ветра, женский голос. — Все ответы перед глазами. Кто сильнее: жизнь или смерть?

Колесо прялки закрутилось быстрее, фигуру окутало сияние.

— Не ищи далеко, ищи — близко. Тиргатао уже упустила нить жизни. Из нити сплели сеть. Сетью ловят души.

Мое сознание начало куда-то уплывать, голова закружилась. Я пыталась сосредоточиться, однако ничего не получилось.

— Берегись...

Веретено вырвалось из ее пальцев и улетело в ночное небо.

— Берегис-с-сь...

Меня вышвырнуло назад с такой силой, что я едва не стукнулась затылком о стену. Поморщившись, потеряла виски. Так, кажется, мои проблемы усугубились. Пока что нигде не могу добиться четкой картинки. Это плохо.

Я глянула на веретена: они как-то странно потускнели и потемнели, словно покрылись налетом от времени и долгого пребывания на открытом воздухе. Я взяла одно из них и задумчиво покрутила в руке.

Всему есть объяснение. Прялка, песня на неизвестном языке, сеть. И Тиргатао.

Я откинулась назад, ощущая спиной прохладу кирпичной стены. Если память мне не изменяет, то так звали царицу меотов, воевавшую с Боспорским царством. Тут я только ухмыльнулась, благодаря про себя собственное пристрастие к истории. Да и грех было не запомнить двух воительниц — Тиргатао и Томирис, которые в свое время так насыпали перцу на хвост врагам, что об этом до сих пор пишут книги и ставят спектакли.

Но если Томирис, царица Сакская, здесь не бывала, то вот Тиргатао...

Я нахмурилась и постучала веретеном о быльце кровати, выстукивая drobный ритм. Азовское море греки называли Меотидой. И хоть конкретно здесь, на территории Стрелкового и близлежащих сел, меотов не было — это не значит, что сюда никто не мог приехать. Если верить картам историков, то современная Кубань — вот их место обитания. Но... история — наука непрозрачная, сквозь слой пыли прошедших веков поди разбери, где

правда, а где ложь.

Я задумчиво закусила губу. Как связаны предупреждения, фигура, меотская прялка и Тиргатао? Связано. Только мысли что-то разбегаются врозь, совсем не хотят работать на благо родины.

Я встала с кровати и вышла на балкон. Так, может, конечно, не получится, но надо попробовать. Положила руки на перила и посмотрела на яркое солнце. Черт, больно — вон как светит. Но губы сами поползли в улыбке. Как она там говорила: кто сильнее? Жизнь сильнее. Смерть — раз и пришла. А жизнь вон сколько длится. И не сдаётся, продолжается, даёт новые ростки. Можно возразить, что рано или поздно всему придет конец. Но до конца... ты ещё доживи.

Мне повезло — во дворе пока никого не было. Легкий ветер почти не ощущался. Я тихонько поманила его к себе, рисуя пальцами спирали в воздухе. Не зря же ветер ластился ко мне. Значит, есть надежда поладить. И пусть я Слышащая Землю, но кое-что все же сумею.

Ветер замер заинтересованным зверьком, пошевелил мои волосы, пощекотал прозрачными пальцами губы, щеки, ресницы. Провел по скулам,дохнул на шею июльским зноем.

— Ну, ближе... — шепнула я.

И человеческие слова не прозвучали как следует, а смешались с шумом листвы, шорохом оставленного во дворе пустого пакета, потрескиванием сухих веточек, упавших в траву.

Ветер замер, а потом обнял руками-вихрями, вопросительно зашелестел на ухо, мол, что-что-что и слушаю-слушаю-слушаю.

— Передай Игорю, что мне нужна его помощь. Если он поможет выяснить, кто такая Тиргатао, то я помогу ему вернуться в физическое тело.

Ветер рассмеялся, зашипел: хорошо-хорошо-хорошо. Обхватил напоследок, словно желая напиться силы земли, и резко улетел в небо. Да так лихо, что сорвал панамку с шедшей по улице длинноногой девчонки. Она вскрикнула и недовольно посмотрела на меня, будто это было моих рук делом. Я подмигнула ей и нырнула в комнату, довольная, что удалось дотянуться до ветра.

Не совсем теряю сноровку, уже приятно.

Не успела я порадоваться своим успехам, как зазвонил мобильный. Грабар, надо же. Взяв трубку, незамедлительно поприветствовала:

— Здравствуй, моя пропавшая принцесса. Я уж тут испереживалась — не украл ли тебя злой людоед?

— Заметно, — как-то устало отозвался Олег. — Слушай, может, умничать будем в другой раз? Судя по тону, ты там довольна, как слон. Не удивлюсь, если наплевала на свои принципы и греешь пузико на солнышке.

Я поморщилась:

— Хам. Очень остроумно. Выкладывай, что произошло?

Повисло молчание. Я чувствовала, что Олег очень не хочет говорить, но если уж позвонил, то иного выхода нет.

— Тут новости. Это не по телефону. Приезжай в Херсон.

От услышанного я села. Так как совершенно не ожидала такого. Что угодно, но не «бросай все и беги сюда».

— Почему? У меня тут больше вопросов, чем ответов. Хотя не скажу, что время

проходит неинтересно.

— Верю, — как-то мрачно ответил Олег. — Но сейчас маньяк немного подождет. Тут кое-кто хочет с тобой поговорить.

Это мне не понравилось. Мой взгляд наткнулся на веретена. Мелькнула мысль, что надо бы их спрятать. А лучше забрать с собой и показать только Грабару, больше никому.

— Яна, поверь. Это серьезно.

— Верю, — вздохнула я, — завтра с утра буду выезжать.

— Почему не сегодня? — напряженно спросил он.

Ветер распахнул балконную дверь, сердито стукнул форточкой. Швырнул мне на колени свернутую записку на пожелтевшей бумаге и тут же исчез.

Я взяла ее и отстраненно ответила:

— Сегодня тут у меня есть дела.

И сбросила вызов. Хоть что-то надо решить. Бросать на полпути — не люблю. Но раз такие обстоятельства, то хоть кое-что надо успеть.

Аккуратные угловатые буквы, стремительный почерк, наклон вправо чуть больше, чем надо. Кратко и убедительно.

«Я жду на берегу».

Я невольно ухмыльнулась. Какая романтика. Если Грабар увидит, то подумает, что у меня тут свидание. Снова вспомнилась Ира. Елки... Кто это может быть? Пожалуй, кроме Екатерины, двух девочек, приехавших на отдых, и хозяйки гостиничного дома, я больше ни с кем из женщин не общалась. Кто?

Я снова глянула на записку. Ладно, берег. Шепчущий с ветром найдет меня сам, коль так приглашает. И тут же потянула уголки бумаги, чтобы разорвать, однако пальцы обожгло так, будто схватила пучок крапивы. Вскрикнув от неожиданности, я разжала руки.

Записка желтым лоскутком упала на пол. Нахмурившись, я присела рядом и поднесла ладонь к безобидному на вид кусочку бумаги. Стало вдруг жарко-жарко, словно кожи почти касалось пламя свечи. Но сила ветра не может такого!

Уголки записки медленно свернулись, как живые, пряча от меня фразу Игоря. Во рту неожиданно пересохло. Показалось, что кто-то находится в номере. Совсем рядом: заглядывает через плечо, обжигая дыханием кожу шеи.

Желтая бумага вновь тихо зашуршала, медленно разворачиваясь. Светло-бежевый коврик, на котором она лежала, вдруг начал пропитываться чем-то темно-красным и густым. В воздухе появился солоноватый запах с оттенком металла.

Я сглотнула, позабыв, как дышать. Записка почти выровнялась, багрово-черными буквами проявились два слова:

«Волнуюсь. Море».

Внезапно мою шею сжали чьи-то пальцы, не давая шевельнуться, парализуя одним прикосновением.

— Попалас-с-сь, — прошептали на ухо с особым извращенным удовольствием.

Перед глазами все поплыло. Я захрипела. Руки и ноги онемели, сердце замерло, будто никогда не билось.

Последнее, что я успела увидеть: записка извернулась и вдруг скрутилась в острый рыбацкий крюк.

— Попалас-с-ь. Моя.

Резкая боль пронзила грудь, и я потеряла сознание.

Глава 6

Городовой и кто-то

Грабар замер. Сигарета в руке догорела и обожгла кожу. Коротко зашипев, словно Нешка, которого Яна повесила ему на шею, он подул на пальцы и медленно обернулся. М-да. Не стоит никогда надеяться на лучшее. Надежда — самое ненадежное чувство из всех, которые есть на свете. Как бы глупо это ни звучало.

Белый лев, оживший камень, коротко рыкнул, разглядывая Олега своими неподвижными глазами. Воздух в легких Грабара застыл, по телу пробежал холодок. Зверь. Подарочек племени каменных оборотней. Вот уж Городовой любит всякую всячину. Нет бы выбрать что посимпатичнее!

Городовой улыбнулся уголком губ, чуть склонил голову набок. Белые волосы скользнули по плечу, обтянутому черной тканью идеально выглаженной рубашки. Черты лица — резкие, кожа — гладкая-гладкая — ни морщинки, ни складочки. Глаза — такие же неподвижные, как у каменного льва, сидящего у его ног. Прямой нос. Левое ухо проколото — серьга в виде стального якорька, видимо, символ портового города.

Одежда — черная. Ладони немного вытянутые, пальцы — длинные и гибкие. Вроде во внешности ничего устрашающего, а смотришь — и в холодный пот бросает.

Грабар заставил себя улыбнуться:

— Доброй ночи, Данила Александрович.

Городовой ответил не сразу. Только посмотрел так, что мигом захотелось позорно дать деру. Грабар усилием воли сохранил невозмутимое выражение лица. Стоять и еще раз стоять. Не показывать страх. Плевать, что чуждое и страшное создание. Он — хранитель города. И какими бы чудовищными ни казались его методы, но они всегда действенны. Городовому лучше знать. Он обменял свою жизнь и прошлое на город.

— Доброй-доброй, — ответил тот низким приятным голосом.

Отчаянно хотелось сделать ноги, но Грабар только отвел взгляд.

«Видимо, нервы расшалились, — подумал он. — А может, при свете дня Городовой не производит такого впечатления, потому и общаться с ним куда проще».

Ведь общался же! Сам получал поручение по Азовскому маньяку. А сейчас стоит, как нашкодивший школьник. Но тут себя даже особо винить не стоит: у Городового сила. Да такая, что перекрыть ее может только Следящий.

— Как продвигаются дела? — поинтересовался Городовой и положил руку на загривок льва.

Тот коротко рыкнул и прикрыл каменные глаза. Сердце Грабара пропустило удар, но в тот же момент стало легче. Лев не нервничал, не пытался показать, что не стоит делать лишних движений.

Впрочем... Грабар это и так знал.

— Слышащий Землю расследует ваше дело, — осторожно сказал он.

Не совсем было понятно, зачем интересуется Городовой. Ведь ему все докладывают очень быстро.

— И как?

Ночь, кажется, стала прохладнее. Или просто ветер подул. Пальцы заледенели, Грабар сунул руки в карманы.

— Продвигается. Правда, появляются новые обстоятельства, поэтому времени уходит куда больше, чем предполагалось.

Городовой приподнял бровь:

— Ой ли?

Грабар не изменился в лице:

— Данила Александрович, мы делаем все, что в наших силах.

Ответ вышел не слишком хорош, но отступить нет смысла. Городовой любит сильных. Поэтому пусть поязвит, поусмехается. Только не прогибаться.

— Боюсь, — лениво обронил собеседник, — плохо стараетесь. Однако сейчас ваша медлительность сыграла на руку.

Грабар нахмурился, пропустив мимо ушей издевку. Это Яна бы вспыхнула, услышь такое. Слишком эмоциональна, особенно когда дела касаются хранителя города. Грабар же знал, что клиент всегда прав. Даже если этого клиента хочется убить с особой жестокостью. Поэтому и не обращал внимания на капризы.

— Вы можете чем-то помочь? — поинтересовался он.

Городовой издал странный звук, похожий на постукивание металлической палочкой по камню, и щелкнул пальцами.

Лев быстро поднялся, внимательно посмотрел на него и быстрым шагом направился к кафе, чтобы улечься возле клумбы.

— Немного, — коротко сказал Городовой.

И вдруг подхватил Грабара под руку и резко взмыл в ночное небо, не дав опомниться.

Сердце замерло. Автоматически Грабар зажмурился и вцепился в Городового. Возле уха прозвучал довольный смешок.

На удивление каким-то странным способом удавалось держать равновесие и не заваливаться набок, мешком повиснув на Городовом.

— Посмотри, — прошептал он.

Грабар открыл глаза. Внизу раскинулся город. Тьма, пронизанная желтыми огнями. Черепичные и шиферные крыши. Зелень скверов и улиц, укутанная ночью. Свежий ветер охлаждал лицо.

Городовой шел по воздуху, крепко держа Грабара.

Удалось вдохнуть полной грудью. Вмиг по телу разлилось какое-то тепло, а внутри поселилось спокойствие. По левую руку поблескивал в свете звезд и луны величественный Днепр. Отовсюду доносились шепотки — нечеловеческие, приглушенные, тихие-тихие.

Голоса домов. Грабар попытался прислушаться, но потом усмехнулся. Сейчас можно и не пытаться. Кто-то их слышит лучше, кто-то хуже. Вот Яна, например, может запросто болтать с любым зданием. То еще ей и картинку покажет, и в прошлое может сводить, дать покататься на бричке да попробовать лакомства из лавок. У Грабара было сложнее. Он тоже мог говорить с домами, но нужно было сконцентрироваться.

Городовой опустился на перекрестке. Улица Коммунаров бежала от центра и прямо в речной порт, к черной ленте Днепра. Соборная — пересекала первую, пролегая между двумя музеями: художественным и краеведческим. Оба здания были старинными, сейчас отреставрированными, кремово-желтыми, словно бисквиты. Так бы и откусил кусочек.

[Купить полную версию книги](#)